

100

ВЕЛИКИХ РЕЛИКВИЙ МИРА

Андрей Юрьевич Низовский
100 великих реликвий мира
Серия «100 великих»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654913
100 великих реликвий мира / А.Ю. Низовский.: Вече; Москва; 2008
ISBN 978-5-9533-3776-2, 978-5-4444-8050-2

Аннотация

Слово «реликвия» буквально означает «наследие» – драгоценные памятники прошлого, без которого нет будущего. Реликвиями называют величайшие святыни мировых религий: ковчег Завета и крест Иисуса Христа, чашу Грааля и святую Каабу, меч пророка Мухаммеда и статую Изумрудного Буллы. Из этой книги вы узнаете и о тех реликвиях, которыми стали бережно хранимые регалии царских и королевских династий, драгоценные самоцветы, ценившиеся их владельцами выше собственной жизни... А что касается исторических реликвий, – таких, как ладья фараона Хеопса и Фестский диск, Капитолийская волчица и ацтекский Камень Солнца, Знамя Победы и спускаемый аппарат первого космического корабля, – то это поистине бессмертная летопись нашей цивилизации.

Содержание

Реликвии мировых религий	5
Ковчег Завета	5
Туринская плащаница	20
Крест Господень	39
Терновый венец Иисуса Христа	42
Копье сотника Лонгина и Священное копье	45
Покров Богоматери	48
Чаша Святого Грааля	50
Чаша из Антиохии	53
Меч Святого Гальгано	57
Меч Святого Маврикия	59
Кровь Святого Януария	63
Сиенская дарохранительница	65
Загадка образа Девы Марии Гваделупской	67
«Чёрный камень» Каабы	73
Меч пророка Мухаммеда	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

100 великих реликвий мира

Составитель Андрей Низовский

С 1998 года издательство «Вече» выпускает книги серии «100 великих» – уникальные энциклопедии жизни знаменитых людей и выдающихся творений человеческого гения, самых удивительных явлений и загадок природы, величайших событий истории и культуры.

Более ста томов сгруппированы в коллекции серии «100 великих»:

КОЛЛЕКЦИЯ ТАЙН И ЗАГАДОК
КОЛЛЕКЦИЯ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ВОЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
КОЛЛЕКЦИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ
КОЛЛЕКЦИЯ МАСТЕРОВ КУЛЬТУРЫ
КОЛЛЕКЦИЯ РЕКОРДОВ

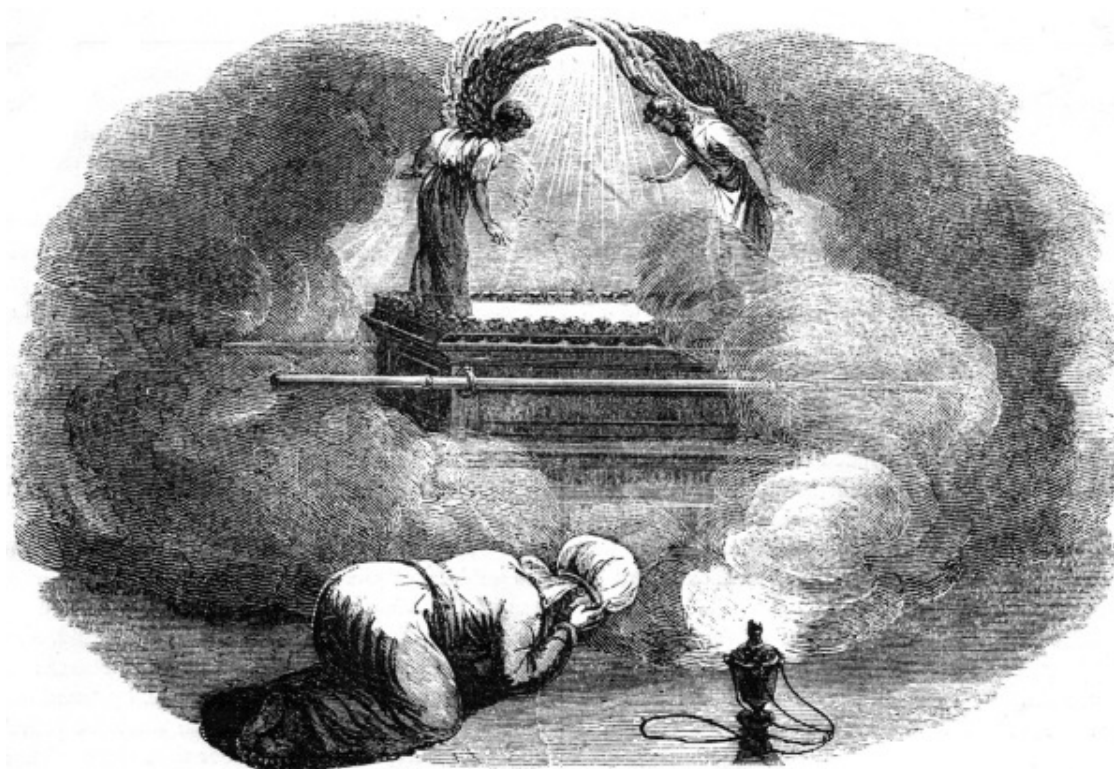
«Сто великих»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство «Вече». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается

Реликвии мировых религий

Ковчег Завета

Местонахождение – предположительно церковь Марии Сионской, Аксум, Эфиопия

«Мы с пренебрежением отвергаем все те научно разработанные мифы, что Моисей был легендарной личностью, на которой народ основал свою религиозную и социальную систему. Мы считаем, что самым научным, самым здравым и самым удовлетворяющим убеждением будет буквальное принятие библейского повествования.

Мы уверены, что все произошло так, как записано в Священном Писании. Мы можем иметь полную уверенность в том, что все происшедшее случилось с людьми, подобными нам, и что их переживания аккуратно записаны и сохранены на протяжении столетий с большей точностью, чем многие телеграфные сообщения наших дней...

Пусть ученые и исследователи увеличивают свое знание и делают всевозможные испытания подробностей записей тех отдаленных веков, достигших наших дней. Этими исследованиями они лишь докажут нам простоту и существующую точность записанных истин, которые до сих пор освещают путь странствования человека».

Эти строки написал когда-то один из крупнейших деятелей XX столетия – премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. И для него, и для миллионов других людей, читавших и читающих Библию, было неоспоримо, что один из наиболее ярких персонажей Ветхого Завета – Моисей, принадлежал к числу великих мужей дохристианского мира. Избранный Богом, он изменил направление всей человеческой истории. Много позже христианская Церковь приняла откровение Ветхого Завета через народ, с которым некогда

заклучил союз сам Бог. А зримым символом этого союза служил ковчег Завета, знаменовавший присутствие Бога среди людей.

«Сделайте ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиною, и ширина ему полтора локтя, и высота ему полтора локтя; и обложи его чистым золотом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг него золотой венец; и вылей для него четыре кольца золотых и утверди на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его, два кольца на другой стороне его. Сделай из дерева ситтим шесты и обложи их [чистым] золотом; и вложи шесты в кольца, по сторонам ковчега, чтобы посредством их носить ковчег; в кольцах ковчега должны быть шесты и не должны отниматься от него... Сделай также крышку из чистого золота: длина ее два локтя с половиною, и ширина ее полтора локтя; и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; выдавшимися из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будут друг к другу: к крышке будут лица херувимов. И положи крышку на ковчег сверху... там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения...» (Быт. 12: 9—10).

Выполняя эту заповедь, данную Богом, Моисей поручил изготовить ковчег мастеру по имени Веселеил, которого Господь «исполнил... Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством...». И когда ковчег был готов, Моисей вложил в него две скрижали, которые были даны ему на горе Синай и на которых Бог записал десять заповедей. Позже к ним прибавились сосуд с манной небесной и процветший жезл Аарона.

Самое раннее упоминание ковчега в Библии приходится на период странствий сынов израилевых, выведенных Моисеем из египетского плена (ок. 1250 г. до н. э.). Из пустынь Синая ковчег был доставлен евреями в землю обетованную. Благодаря исходящим от него сверхъестественным проявлениям народ Израиля был непобедим. Сила ковчега осушила реку Иордан, вызвала мор среди филистимлян.

Царь Давид поставил ковчег Завета в шатре (скинии), где ежедневно общался с Богом. Сын и преемник Давида, Соломон, торжественно перенес ковчег в Святой Святых построенного им Иерусалимского храма. Своей формой храм напоминал форму ковчега Завета и служил скорее святилищем, чем местом для массовых богослужений. Золотые цепи ограждали хранившуюся в нем реликвию, многочисленная золотая утварь таинственно мерцала в полумраке...

Последние упоминания о ковчеге относятся к временам правления иудейского царя Иосии (VII в. до н. э.). Его следы теряются после того, как вавилонский царь Навуходоносор в 587 г. до н. э. захватил и разрушил Иерусалим. Однако ковчег Завета не упоминается в числе реликвий и сокровищ, захваченных Навуходоносором в храме Соломона. Судьба его так и осталась неизвестной. Профессор древнееврейской и сравнительной религии Калифорнийского университета (США) Ричард Эллиот Фридман, много лет посвятившей этой загадке, называет ее «одной из величайших тайн Библии»; с его мнением согласны многие ученые.

На страницах Ветхого Завета можно обнаружить более двухсот упоминаний о ковчеге Завета вплоть до эпохи Соломона (970–931 гг. до н. э.), но он почти не упоминается после правления этого мудрого царя. Нет ни одного сообщения о том, что «Ковчег был увезен, уничтожен или спрятан», – писал в 1987 году Р.Э. Фридман. – Нет даже упоминания о том, что «и тогда Ковчег исчез и мы не знаем, что с ним случилось», или что «и никто не знает, где он находится по сей день». Самый важный, с библейской точки зрения, предмет попросту перестал существовать». В этом-то и заключается подлинная историческая загадка: дело не только в том, что пропала необычайно ценная реликвия, но и в том, что исчезновение ковчега – при всем его огромном религиозном значении – окружено плотной стеной молчания.

Есть все основания предполагать, что ковчег исчез задолго до того, как в 587 году до н. э. армия вавилонского царя Навуходоносора сожгла Иерусалим. Он не достался вавилонянам в качестве трофея. И ковчега

Завета определенно не было во втором храме, построенном на развалинах первого, после того как евреи вернулись в 538 году до н. э. из вавилонского плена.

В тайну исчезновения ковчега пытались проникнуть многие исследователи. Его поисками занимались нескольких археологических экспедиций, но все они оказались неудачными.

Древние (и не очень) предания рассказывают, что ковчег якобы до сих пор остается в Иерусалиме, укрытый где-то в недрах Храмовой горы. Согласно одной легенде, возникшей уже после вавилонского пленения, Соломон предвидел разрушение храма и поэтому «придумал место для сокрытия ковчега». Апокрифический «Апокалипсис Баруха» – относительно поздний текст – сообщает, что реликвия была поглощена землей и скрыта под краеугольным камнем, на котором стоял храм Соломона. В Талмуде можно встретить свидетельство, что «ковчег был похоронен в своем месте». Царь Иосия, правивший в Иерусалиме с 639/ 640 по 608/609 год до н. э., то есть за десятилетие до захвата города вавилонянами, предвидя неминуемое разрушение храма, будто бы «спрятал ковчег и все его принадлежности, дабы предохранить их от осквернения врагом». Другое предание, записанное в Мишне¹, утверждает, что реликвия была схоронена «под мощеным полом дровяного сарая, чтобы она не попала в руки врага». Этот дровяной сарай находился на территории храма Соломона, но место его расположения ко времени возвращения евреев из Вавилонского пленения было забыто и «осталось тайной на все времена». В Мишне рассказывается, что однажды некий священник работал во дворе храма (второго) и случайно наткнулся на «участок мощения, отличавшийся от остального. Он пошел и сказал об этом своему приятелю, но не успел он закончить, как жизнь оставила его. Так они точно узнали, что там покоится ковчег».

Совершенно иную версию сокрытия ковчега предлагает Вторая книга Маккавейская, составленная между 100 годом до н. э. и 70 годом н. э. евреем-фарисеем, писавшим на греческом языке. В ней говорится, что пророк Иеремия, «по бывшему ему Божественному откровению (о грядущем разрушении храма. – Авт.), повелел скинии и ковчегу следовать за ним, когда он восходил на гору, с которой Моисей, взойдя, видел наследие Божие. Придя туда, Иеремия нашел жилище в пещере и внес туда скинию, и ковчег и жертвенник кадильный, и заградил вход».

По мнению ученых, этот рассказ – всего лишь вымысел, с помощью которого автор Второй книги Маккавейской пытался возродить интерес еврейской диаспоры к исторической родине. Поскольку книга была написана примерно через пять столетий после смерти Иеремии, ее даже нельзя назвать древним преданием, хотя автор попытался представить его таковым. Тем не менее поиски ковчега Завета велись и в месте, указанном во Второй книге Маккавейской, и в других местах.

Еще в XII столетии рыцари-тамплиеры (храмовники) пытались отыскать ковчег в Иерусалиме в недрах Храмовой горы. Их поиски окончились ничем. Сегодня на Храмовой горе находятся третья и четвертая по значению святыни ислама – мечети «Купол Скалы» и Аль-Акса, поэтому современным археологам доступ на гору закрыт: мусульманские власти противятся проведению здесь каких бы то ни было научных исследований. С их точки зрения, это было бы осквернением святынь. Не менее сильное сопротивление оказывают и еврейские религиозные руководители. Еще в 1967 году, когда профессор Археологического института Еврейского университета Мазар впервые начал переговоры о раскопках с сефард-

¹ Мишна (Мишней Тора) – обширное собрание законов и постановлений, регулирующих почти все сферы еврейской жизни. Ее окончательная редакция завершена ок. 200 года н. э.

ским и ашкеназским главными раввинами, те ответили категорическим отказом: что случится, если в результате археологических раскопок ковчег Завета вдруг будет найден? Ведь считается, что евреи пребывают в состоянии «нечистоты» со времени разрушения второго храма и это состояние якобы закончится лишь с приходом истинного Мессии. А поскольку сыны израилены «нечисты» с точки зрения религиозного закона, им запрещено касаться ковчега Завета. Поэтому немислимо даже думать о раскопках до прихода Мессии!

Подобного рода догма стала серьезным препятствием на пути археологов. Тем не менее им удалось убедить раввинов, а также преодолеть возражения представителей двух других монотеистических религий – христианства и ислама. И в конце 1960-х годов ученые начали раскопки. Правда, велись они только на южной стороне Храмовой горы, где удалось найти вход в тоннель, выкопанный тамплиерами в XII столетии. Его проследили на глубину примерно тридцати метров. Тоннель тянется и дальше, но копать в пределах Храмовой горы строго запрещено, так что дальнейшие работы были свернуты. Археологи сумели лишь понять, что туннель ведет с юга в глубь горы и, по-видимому, проходит непосредственно под мечетью «Купол Скалы». Она стоит на том самом месте, где некогда располагалась Святая Святых храма Соломона и где когда-то хранился ковчег Завета.

Ничего не дали и поиски на горе Нево, где похоронен Моисей, и на соседней горе Фасги. Единственные следы! ковчега Завета можно сегодня отыскать только лишь... в Африке, в Эфиопии, столь далекой от Святой Земли!

Эфиопия – одно из древнейших африканских государств. Ее начальная история изложена в обширной рукописи XIV века «Кыбрэ Нэгэст» («Слава царей»). Основание древней эфиопской монархии (ок. 1000 г. до н. э.), просуществовавшей вплоть до 1974 года, эта хроника связывает с именем Македы, царицы Шебы. Умная, просвещенная и любознательная правительница, она известна во всем мире как царица Савская. Под этим именем она упоминается и на страницах Ветхого Завета.

«Кыбрэ Нэгэст» рассказывает, что царица прослышала о мудрости царя Соломона и о чудесах Иерусалима, и решила увидеть все это своими глазами. Она собрала караван, насчитывавший 797 верблюдов и столько ослов и мулов, что их число невозможно было подсчитать. Все эти животные были нагружены дарами для великого царя.

Несколько месяцев провела царица при дворе Соломона. Беседы с ним произвели на нее такое воздействие, что она отреклась от языческой религии своих предков и уверовала в единого Бога. В свою очередь, Соломон был поражен красотой этой женщины, и его охватила страсть к царице Шебы. Прощаясь, Соломон снял кольцо со своей руки и вложил его в руку Македы. «Если у тебя будет сын, отдай ему это кольцо и пришли сына ко мне», – сказал он.

Македа вернулась в Эфиопию и вскоре родила сына. Когда он вырос, то захотел увидеть своего отца и отправился в Иерусалим. Соломон сразу узнал его. Освященным елеем он помазал принца и дал ему имя – Менелик, что значит «как он красив». Соломон объявил, что отныне только потомки Менелика по мужской линии должны править Эфиопией. Так оно и случилось: после Менелика I в стране царствовали только его потомки по мужской линии; последним из них был император Хайле Селассие, свергнутый в 1974 году.

Прощаясь с отцом, Менелик попросил у Соломона часть покрыва с ковчега Завета, чтобы эфиопы могли поклоняться этой реликвии. Соломон удовлетворил его просьбу. Однако в результате подмены в руках Менелика оказался. подлинный ковчег Завета! Впрочем, Соломон не стал убиваться по этому поводу, сказав, что «ковчег Завета передан не иностранцу, а моему сыну». Так ковчег оказался в Эфиопии, а в Иерусалиме осталась подделка.

Корни этой легенды, несомненно, уходят в текст Священного Писания. Ученые считают, что наиболее распространенная ее версия была обработана эфиопскими священнослужителями в XIV веке и в этом виде вошла в народный эпос. Как бы то ни было, легенда о

Соломоне и царице Шебы приобрела сакральное значение, освящая власть эфиопских императоров – потомков Менелика, династия которых именовалась Соломоновой.

Эту историю, как и все легенды подобного рода, нельзя рассматривать некритически. В Эфиопии (Абиссинии) X века до н. э. не существовало и не могло существовать высококультурной централизованной монархии, описанной в «Кыбрэ Нэгэст». Нет никаких подтверждений и тому, что царица Савская была эфиопкой – напротив, по другим сведениям, ее родина находилась в Аравии, на юге Аравийского полуострова. Однако нет и оснований считать это совершенно невозможным: в своих знаменитых «Иудейских древностях» Иосиф Флавий, например, называет ее «царицей Египта и Эфиопии». Факт существования Менелика еще менее достоверен: историки считают предполагаемого основателя Соломоновой династии эфиопских императоров чисто легендарной фигурой.

В легенде, рассказанной в «Кыбрэ Нэгэст», существует еще много других нестыковок, анахронизмов и неточностей. А вот что касается ковчега Завета...

Народ Эфиопии свято верит в то, что он на протяжении многих веков обладает этой священной реликвией. Для эфиопов это так же очевидно и обыденно, как и утверждение о том, что «Волга впадает в Каспийское море» – для русских. Достоверно известно и место хранения реликвии: церковь Марии Сионской в древнем городе Аксум, расположенном на севере страны. На протяжении многих веков он являлся столицей Эфиопии и до сих пор сохранил за собой значение ее главного сакрального центра. Кстати, Аксума еще не было и в помине в тот период, когда ковчег, предположительно, был привезен в Эфиопию: этот город был основан не ранее III века до н. э., быть может, даже не ранее II века – иными словами, через семьсот или восемьсот лет после предполагаемого исчезновения ковчега.

Первоначальное здание церкви Святой Марии было построено в 372 году н. э. Она стала самой первой христианской церковью в Черной Африке. Просторная пятинефная базилика с момента своего основания являлась местом массовых паломничеств: ведь она была специально построена для хранения ковчега Завета, который – если верить легендам – был доставлен в страну задолго до рождения Иисуса Христа и до того, как христианство стало официальной религией в Аксумском государстве.

Следует заметить, что христианская религия в Эфиопии имеет ряд весьма специфических черт, и уж ни в коем случае не является «православной», как это иногда утверждают некоторые отечественные авторы.

Эфиопская церковь принадлежит к числу древних восточных (дохал-кидонских) церквей, отказавшихся признать нераздельное и неслиянное существование во Христе двух начал: божественного и человеческого, и принявших в качестве догмы учение о поглощении человеческого начала Христа божественным – т. н. з. монофизитство. Монофизитство было осуждено Халкидонским собором 451 года; сегодня его придерживаются несколько церквей: Армянская апостольская (которую иногда также ошибочно считают «православной»), Коптская, Эфиопская, Эритрейская, Сирийская (яковитская) и Сиро-Маланкарская.

Другой особенностью Эфиопской церкви является чрезвычайно заметное влияние иудаизма. По всей Эфиопии в среде христиан встречаются несомненно иудейские по происхождению обычаи и верования. Миллионы эфиопских христиан избегают есть «нечистых» птиц и млекопитающих (особенно свиней), соблюдают еврейскую субботу – но не вместо воскресенья, святого для их единоверцев в других местах, а вдобавок к нему. Они делают обрезание своим сыновьям на восьмой день после их рождения, как установлено книгой «Левит», – этот обычай из всех народов мира соблюдают сегодня только евреи и эфиопы. Отмечаются и другие праздники, хотя внешне христианские, но изначально явно иудейские. Так, эфиопский праздник Нового года (Инкуташ) близко соответствует еврейскому Новому году (Рош Хашанах). Оба они справляются здесь в сентябре, и за обоими через несколько недель следует второй праздник (Маскал в Эфиопии и Йом Кипур в Израиле). Эфиопские

христиане также строго соблюдают многие из законов Пятикнижия Моисеева. Христианская вера не устанавливает ни одного из этих ограничений, но Пятикнижие требует соблюдения их всех. В целом же англиканский архиепископ Дэвид Мэтью еще в 1947 году описал «весь комплекс религиозных отправлений в Эфиопии как древний и культовый, пропитанный иудейскими обычаями».

Христианские церкви Эфиопии по своему устройству восходят едва ли не ко временам храма Соломона. Ведущий специалист в этой области профессор Лондонского университета Эдвард Уллендорф пишет по этому поводу:

«Внешняя аркада абиссинской церкви из трех концентрических частей называется кене махлет, то есть место для исполнения псалмов, она соответствует уламу храма Соломона. Следующее помещение – кедест, где отправляется обряд причащения. Внутренняя часть – макдас, куда имеют доступ только священники... Такое разделение на три помещения свойственно всем абиссинским церквям, даже самым маленьким. Таким образом, совершенно очевидно, что абиссинцы предпочли форму еврейского храма базилике, принятой первыми христианами повсеместно».

Профессор Уллендорф не стал строить догадки, почему абиссинцы оказали предпочтение дохристианской модели для своих христианских церквей. Он только лишь делает вывод:

«Ясно, что эти и другие традиции... были составной частью абиссинского национального наследия задолго до обращения в христианство в IV веке, ибо было бы непонятно, почему народ, недавно обращенный из язычества в христианство (и не христианином-евреем, а сирийским миссионером Фрументием), начал бы потом похвастаться иудейской родословной и настаивать на израильских связях, обычаях и институтах».

Сирийскому миссионеру Фрументию, обратившему Аксумское царство в христианство – коптский патриарх Александрии назначил его в 331 году н. э. первым архиепископом Эфиопии, – по-видимому, пришлось приспособлять институты новой веры к уже существовавшим иудейским обычаям страны. Но когда, каким образом иудаизм мог попасть в эту далекую африканскую страну?

Академический мир в большинстве своем сходится во мнении, что иудейская вера достигла Эфиопии не ранее II века н. э. Ее принесли сюда бежавшие от римских преследований эмигранты из Палестины, основавшие крупную еврейскую общину в Йемене, а затем перебравшиеся через Красное море на Африканский континент. Одним из самых решительных сторонников такой точки зрения был упоминавшийся выше профессор Уллендорф, в своем обширном труде «Эфиопия и Библия» категорично утверждавший, что евреи проникали в Эфиопию из Южной Аравии на протяжении длительного периода с 70 по 550 год н. э.

Южная Аравия действительно выглядит наиболее вероятным исходным пунктом миграционного движения из этого региона в Эфиопию. Однако отношение ученых к «йеменскому следу» отнюдь не единодушно. Имеются немало сведений, указывающие на то, что иудейская вера играла важную роль в Эфиопии еще задолго до прихода сюда в IV веке н. э. христианства. С этим, в частности, связана загадка фалаша – эфиопских иудеев.

«Евреи в Эфиопии были всегда, с самого начала», – писал в XVII веке португальский иезуит Балтазар Теллеш. Фалаша (фалашаи), «черные евреи Эфиопии», внешним видом и одеждой почти не отличаются от других жителей Абиссинского нагорья. Их родное наречие является диалектом древнего агавского языка, на котором когда-то говорили многие жители северных провинций Эфиопии. Единственной чертой, отличавшей фалашей, была их религия – несомненно иудейская, хотя весьма архаичного и своеобразного типа. Европейские миссионеры, побывавшие в Эфиопии в XIX веке, с удивлением писали: «Фалашаи ничего не знают о Вавилонском или Иерусалимском Талмуде, которые были сочинены во время и после Вавилонского пленения. Они также не соблюдают праздников Пурим и Освящения Храма, которые свято соблюдаются евреями нашего времени»

Праздник Освящения Храма был известен как Ханука. Он был установлен в 164 году до н. э. и по этой причине обязательно должен был бы соблюдаться еврейской общиной, обосновавшейся в Йемене после 70 года н. э. Несоблюдение фалашами Хануки подсказывает только один вывод: они обратились в иудаизм до 164 года до н. э., и значит, эта религия пришла к ним не из Йемена, а из какого-то другого места.

Как писал в 1869 году в своей книге «Фалаши Абиссинии» немецкий миссионер Мартин Флад, праздник Пурим эфиопские евреи также не соблюдали. Между тем этот праздник отмечался уже со II века до н. э. Он может иметь и более раннее происхождение: отмечаемые им события имели место в середине V века до н. э., и высказывались предположения, что его соблюдение стало весьма популярным уже к 425 году до н. э. Значит, фалаши оказались изолированными от основного русла мирового иудаизма задолго до этой даты, быть может, еще в VI веке до н. э.!

Другой миссионер, Генрих Штерн, в своей опубликованной в 1862 году книге «Странствия среди фалашей Абиссинии» утверждает, что эфиопские евреи соблюдали верность закону Моисея, «в соответствии с которым они строили свой культ», однако при этом совершали жертвоприношения животных. Однако практика совершения местных жертвоприношений вне стен главного храма в Иерусалиме была отменена царем Иосией в VII веке до н. э. Получается, что предки нынешних фалашей были обращены в иудаизм еще до этого времени?

Архаичные обычаи фалашей ставят под серьезное сомнение утверждения о позднем (южноаравийском) происхождении эфиопского иудаизма. Напротив, они довольно убедительно свидетельствуют в пользу того, что иудейская вера могла прийти в Эфиопию еще во времена Первого храма. А содержащаяся в «Кыбрэ Нэгэст» легенда позволяет понять, как и почему иудаизм пустил корни в сердце Африки в столь давнюю эпоху: да потому, что связана эта история непосредственно с ковчегом Завета!

«Кыбрэ Нэгэст» совершенно ясно указывает на то, что иудаизм проник в Эфиопию в 950-х годах до н. э., когда Менелик и его свита вернулись в страну с ковчегом. Существование туземных «черных евреев» в Эфиопии служит красноречивым доказательством присутствия там и ковчега. Их приверженность древним, давно забытым в других местах обычаям привела ряд путешественников к выводу, что фалаши являются «потерявшимся племенем Израиля». В 1970-х годах это представление получило официальное благословение иерусалимских раввинов, недвусмысленно называющих фалашей евреями, т. е. считающимися достойными израильского гражданства в соответствии с законом о репатриации.

По иронии судьбы главной причиной столь запоздалого признания был явно ветхозаветный характер фалашской религии, который никак не вписывался в Талмуд (свод иудейских законов и толкований, накопленных между 200 г. до н. э. и 500 г. н. э.). Поэтому фалаши казались довольно чуждыми израильтянам и остальным евреям. Позже было признано, что незнание талмудических предписаний было лишь следствием того, что эфиопская ветвь была отсечена от мирового иудаизма на весьма ранней стадии. Эта изолированность объясняла приверженность фалашей давно запрещенной практике, в частности приношения в жертву животных.

Но каким образом это «потерявшееся племя» оказалось почти в двух тысячах километров от Израиля? На этот вопрос однозначного ответа нет. А что говорят сами фалаши?

Часть их считает себя потомками царя Соломона. Остальные же евреи в Эфиопии якобы являются потомками телохранителей сыновей израильских старейшин, которые сопровождали Менелика с ковчегом Завета.

В Эфиопии долгое время существовала династия еврейских царей. Иудеи порой даже вели успешные войны с христианскими правителями. Возможно, в центре этой борьбы находился ковчег Завета, который эфиопские христиане сумели каким-то образом отобрать у

иудеев. В «Кыбрэ Нэгэст» есть такие строки: «Царству иудеев придет конец, и будет установлено царство Христа... Так Бог дал царю Эфиопии больше славы, милости и величия, чем всем остальным царям на земле, из-за величия Сиона, ковчега закона Божьего».

Фалаши сопротивлялись христианам довольно долгое время. Путешественник IX века Элдад Хадани, более известный как Элдад Данянин, в письме, датированном 833 годом, писал, что потомки колена Данова и три других потерявшихся еврейских колена проживали в Эфиопии, где пребывали в постоянной вражде с христианскими правителями страны: «И они убивали людей Эфиопии, и по сей день они бьются с сынами царств Эфиопии». Элдад утверждал, что фалаши эмигрировали из Святой Земли в Эфиопию во времена Первого храма, вскоре после распада Израиля на два царства – Иудейское и Израильское (т. е. около 931 года до н. э.). Поэтому, писал он, они не отмечали праздников, установленных после этой даты, вроде Пурима и Хануки. Не было у них и раввинов, «ибо последние появились со Вторым храмом и сюда не пришли». У фалашей действительно не было раввинов: своих религиозных деятелей они называли «кахен» – производное от еврейского слова «кохен», означающего «жрец» и восходящего к эпохе Первого храма.

В заключение Элдад сообщает, что иудеи Эфиопии были удачливы в войнах и «наложили руки свои на шею врагов своих». Это – довольно точное описание истинного баланса сил христиан и евреев в IX – начале X века. Именно в это время была свергнута Соломонова династия царей Аксума, и полстолетием позже у власти утвердилось династия Загве, к которой принадлежал знаменитый царь Лалибэла. Вначале Загве, несомненно, были иудеями, но позже обратились в христианство, а впоследствии (лет через пятьдесят после кончины Лалибэлы) последний император этой династии отрекся от трона в пользу представителя Соломоновой династии.

В XII столетии известный путешественник, купец Вениамин из Туделы сообщал о присутствии в Эфиопии иудеев, которые «не находились под ярмом иноверных» и имели «свой города и замки на вершинах гор». Писал он и о войнах фалашей с христианами. В XV веке еврей-путешественник Элия из Феррары рассказывал, что встретил в Иерусалиме молодого фалаша, который сообщил ему, как его единоверцы «сохранили свою независимость в горных районах, откуда они постоянно развязывали войны против христианских императоров Эфиопии». А столетием позже христианский епископ Овьедо писал, что фалаши укрывались «в недоступных горах и отобрали у христиан многие земли, став их хозяевами, а цари Эфиопии не могли покорить их, ибо они выступали только малыми силами и было весьма трудно проникнуть в их цитадели в скалах».

Император Эфиопии Сарса Денгел, правивший с 1563 по 1594 год, вел против фалашей непрерывную семнадцатилетнюю войну, которую современные ученые сравнивают с крестовым походом. Фалаши оборонялись в Симиенских горах к западу и югу от реки Тэк-эзе. Позже фалашский царь Радаи был взят в плен и казнен. А в конце XVI века пали две последние крепости фалашей в Симиенских горах.

В последующие двадцать лет были уничтожены многие тысячи фалашей, а их дети проданы в рабство. Немногим выжившим, по свидетельству шотландского путешественника Джеймса Брюса, «было приказано отречься под страхом смерти от своей религии и креститься».

И они согласились на это, ибо не видели другого выхода... Многие из них были крещены, и всех их заставили пахать и боронить в субботу».

В результате непрерывного притеснения эфиопские евреи лишились своей автономии и постепенно стали уходить в забвение. В первом десятилетии XVII века численность фалашей исчислялась примерно «100 тысячами мужчин». Если предположить, что на каждого мужчину приходилась семья из пяти человек, общая численность фалашей в тот период составляла около 500 тысяч. В конце XIX века еврейский ученый Иосиф Халеви насчитал

уже около 150 тысяч фалашей. К концу первой четверти XX столетия их численность упала до 50 тысяч, а в голодный 1984 год фалашское население Эфиопии оценивалось в 28 тысяч человек. Сейчас их осталось, вероятно, не больше двадцати тысяч, и большинство из них уже перебралось в Израиль.

Но вот вопрос: почему некая группа евреев в глубокой древности эмигрировала из Израиля так далеко – аж в Эфиопию? Значит, у эмигрантов был какой-то сильный побудительный мотив. Какой?

...На протяжении столетий иудеи и христиане Эфиопии вели борьбу не на жизнь, а на смерть. В ней победили христиане, которым и достался ковчег Завета. Они включили его в свои собственные религиозные обряды. Таково единственное возможное объяснение той уникальной в христианском мире роли, которую в службах Эфиопской церкви играют «таботы» – копии великой реликвии Ветхого Завета.

Табот – таинственный предмет, считающийся в высшей степени священным – хранится во внутреннем святилище, «святая святых» каждой из более чем двадцати тысяч христианских церквей Эфиопии. Входить в это святилище могут только старшие священники. Мирянам их вообще не полагается видеть. Даже когда таботы выносят во время крестного хода, они всегда завернуты в ткань.

Таботы окружены почти суеверным благоговением. Именно табот придает святость церкви, в которой он хранится. При освящении храма в него торжественно вносится освященный патриархом табот, что составляет главную особенность церемонии. В некоторых церквях и монастырях хранится даже по десять – двенадцать таботов, которые используются для различных ритуалов.

Как давно эфиопские христиане начали использовать таботы? Первое упоминание о них принадлежит португальскому священнику Фран-сиску Альварешу, посетившему север страны в XVI столетии и побывавшему в Аксуме. Очевидно, однако, что он засвидетельствовал уже сложившуюся и весьма давнюю традицию.

Слово «табот» можно перевести как «ковчег». В Библии говорится, что ковчег Завета был деревянным, покрытым золотом ларцом размерами 2,5 x 1,5 x 1,5 локтя. Но соответствуют ли таботы такому описанию? Нет. Ни один из таботов не походит на библейское описание ковчега. Все они представляют собой плоские пластины из камня, а иногда и из дерева, и размер их гораздо меньше описанного. По всей видимости, они призваны изображать собой скрижали, хранившиеся в ковчеге Завета – ведь люди порой нуждаются в осязаемом свидетельстве своей веры...

Профессор Эдвард Уллендорф считает, что не трудно объяснить, каким образом эфиопы стали называть «таботами», т. е. «ковчегами», пластины из дерева и камня:

«Подлинный ковчег, как предполагается, хранится в Аксуме; все остальные церкви могут обладать только копиями. В большинстве случаев, однако, они являются копиями не всего ковчега, а лишь его предполагаемого содержимого, т. е. скрижалей Закона... Иными словами, описание этих каменных или деревянных дощечек словом «таботат» – просто «часть вместо целого», касающаяся самого важного в ковчеге – скрижалей Завета».

Все жители Эфиопии знают, что ковчег Завета хранится в церкви Святой Марии Сионской в Аксуме. И хотя его практически никто – за исключением очень узкого круга высших иерархов Эфиопской церкви – не видел, сохранилось описание очевидца, арабского географа по имени Абу Салих, по происхождению армянина. Он жил в самом начале XIII столетия и сделал обзор христианских церквей и монастырей, находившихся в Египте. Кроме того, он посетил ряд соседних стран, в том числе и Эфиопию. В книге Абу Салиха «Церкви и монастыри Египта и некоторых соседних стран» говорится:

«Абиссинцы обладают ковчегом Завета, в котором хранятся две скрижали с написанными пальцем Бога заповедями для сынов Израилевых. Ковчег Завета помещен в алтаре, но он уже алтаря; высотой он с человеческое колено и обложен золотом».

Абу Салих был свидетелем и того, как христиане Аксума использовали этот предмет:

«Литургия с ковчегом служится четыре раза в год в царском дворце, и его накрывают пологом, когда переносят из церкви, в которой он хранится, в дворцовую церковь; а именно: в праздник великого Рождества, в праздник славного Крещения, в праздник Воскресения Христова, в день Страстей Господних».

Размеры и внешний вид реликвии, описанный Абу Салихом, способ транспортировки реликвии под «пологом» – все совпадает с тем, что говорится в Библии!

Крестный ход с таботом является центральной частью обрядов, посвященных празднику Тимкат – Богоявлению. Эфиопы, как и все восточные христиане, связывают этот праздник с Крещением Христовым, но их обряды коренным образом отличаются. В частности, уникальное использование табота, не имеющее ничего подобного в любой другой христианской культуре. Этот обряд не признается даже Коптским патриархом в Александрии, который ставил в Эфиопии своих архиепископов со времен обращения в христианство Аксумского царства в 331 году до получения Эфиопской церковью самостоятельности в 1959 году. Это присутствие, даже доминирование дохристианской реликвии – ковчега Завета – составляет центральную особенность эфиопского христианства.

Главные обряды, связанные с праздником Тимкат, проводятся в священном городе Аксуме у стен церкви Марии Сионской. Ее нынешнее здание построено в середине XVII века императором Фасилидасом. Недалеко от него видны руины когда-то внушительной постройки, от которой остались лишь глубоко врытые фундаменты. Здесь стояла первоначальная церковь Марии Сионской, построенная в IV веке н. э. – во время обращения Аксумского царства в христианство. Примерно двенадцать столетий спустя, в 1535 году, ее сровнял с землей фанатичный мусульманский завоеватель Ахмед Гран (Левша), орды которого, вторгшись с Аравийского полуострова, поставили под вопрос само существование эфиопского христианства. Незадолго до разрушения храм посетил португальский священник Франсишку Альвареш. Он стал первым европейцем, записавшим эфиопский вариант легенды о царице Савской и о рождении ее сына Менелика.

В это время ковчег все еще находился в святой святынь древней церкви. Ему, однако, недолго предстояло оставаться там. Когда вторгшиеся в страну армии Ахмеда Грана подошли к городу, священная реликвия была перенесена в один из многочисленных островных монастырей на озере Тана и тем самым избежала уничтожения. Столетие спустя, после восстановления мира во всей империи, ковчег был торжественно возвращен в храм Святой Марии, построенный Фасилидасом рядом с развалинами старой церкви. Там он находился до 1965 года, когда император Хайле Селассие переправил его в новую, более надежно защищенную часовню, сооруженную в качестве придела церкви XVII века. Никто из простых смертных, даже президент Эфиопии, не имеет права видеть реликвию. Однако нынешний эфиопский патриарх Абун Паулос утверждает, что видел ковчег своими глазами и что он в точности соответствует описаниям Ветхого Завета.

Но что скрывается за легендой о Соломоне, царице Савской и Менелике? Кто на самом деле привез ковчег в Эфиопию, когда и при каких обстоятельствах?

Приблизительно в 955 году до н. э. царь Соломон поместил ковчег в специально построенный храм, как об этом рассказывается в Третьей книге Царств:

«Тогда созвал Соломон старейшин Израилевых... И внесли священники ковчег Завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святынь... Когда священники вышли из святилища, облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень. Тогда сказал Соломон:

Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле; я построил храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе во веки... Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил...»

В «Кыбрэ Нэгэст», в главе 62, описывается горе Соломона после того, как он обнаружил, что его сын Менелик выкрал реликвию из храма и увез ее в Эфиопию. Когда же царь собрался с мыслями, то обратился к старейшинам Израиля, также громко оплакивавшим утрату ковчега, и предостерег их:

«Перестаньте, дабы необрезанные не глумились над вами и не могли сказать: “Их славу забрали, и Бог оставил их”. Ничего не открывайте чужим... И... старейшины Израиля сказали ему в ответ: “Да исполнится воля твоя, как и воля Господа Бога! Что же до нас, то никто из нас не нарушит слово твое, и мы не сообщим кому-либо, что ковчег был забран у нас”. И к такому соглашению они пришли в доме Божьем – старейшины Израиля со своим царем Соломоном». Иными словами, если верить «Кыбрэ Нэгэст», ковчег был увезен в Эфиопию при жизни Соломона, но вся информация об этой трагической утрате скрывалась, и поэтому о нем не упоминается в Священном Писании. Таким образом, изъятие ковчега из Иерусалимского храма могло быть произведено под прикрытием заговора молчания, организованного царем и высшими священниками. Но каким царем, если не Соломоном?

Ни одно из содержащихся в Третьей книге Царств упоминаний о ковчеге не датировано временем позже царствования Иосии (640–609 гг. до н. э.). То же самое можно сказать и об упоминаниях в книге «Второзаконие». А одно место в главе 8 Третьей книги Царств особенно интересно:

«И внесли священники ковчег Завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых, под крылья херувимов. Ибо херувимы простирали крылья над местом ковчега, и покрывали херувимы сверху ковчег и шесты его. И выдвинулись шесты так, что головки шестов видны были из святилища пред давиром, но не выказывались наружу; они там и до сего дня».

Почему книжник посчитал необходимым уверить читателей, что шесты ковчега в его время можно было видеть выступающими из внутреннего святилища? Это утверждение имело бы смысл только в том случае, если бы ковчег в действительности там... не было!

В 1928 году исследователь Библии Юлиан Моргенштерн, удивившись странным словам: «они там и до сего дня», пришел к заключению, что автор пытался «уверить читателей в том, что шесты ковчега и, следовательно, сам ковчег находились во внутренней части храма, даже если их не могли видеть простые люди или фактически никто, кроме первосвященника, входившего в святая святых один раз в год – во время Иом-Кипура... Тот факт, что [автор] считал себя обязанным настаивать таким образом на том, что в его время ковчег все еще находился в храме... свидетельствует, что он должен был противостоять широко распространенному и упорному сомнению в этом – сомнению, основанному, по всей вероятности, на реальном факте». Налицо признаки попытки убедить народ в том, что ковчег все еще находится на своем месте в храме; это похоже на старания скрыть правду, то есть тот факт, что реликвии уже не было там.

Однако, скорее всего, во времена Иосии было обнаружено лишь отсутствие ковчега, а утрачен он был еще раньше. Почему? Да потому что Иосия был усердным приверженцем единого Бога, стремившимся подчеркнуть первостепенное значение Иерусалимского храма. Немыслимо, чтобы такой монарх позволил изъять из святая святых главный символ своей религии. Напрашивается вывод: ковчег исчез еще до воцарения Иосии, то есть до 640 года до н. э.

В некоторых легендах говорится, что в последние годы своего царствования Иосия, предвидя скорое разрушение храма вавилонянами, спрятал ковчег и все его принадлежности, дабы уберечь их от осквернения в руках врага. Но Иосия никак не мог предсказать

события 598–587 годов до н. э. Он умер в 609 году до н. э. – за пять лет до того, как Навуходоносор, разрушитель Иерусалима, унаследовал вавилонский трон. Предшественник же Навуходоносора, Набупаласар, не проявлял никакой агрессии в отношении Израиля. Таким образом, исторический фон царствования Иосии не подтверждает версию о том, что он мог заранее спрятать ковчег Завета.

Самое последнее упоминание священной реликвии в Ветхом Завете встречается в том месте Второй книги Паралипоменон, где описываются меры Иосии по восстановлению традиционных богослужений в храме:

«И изверг Иосия все мерзости из всех земель, которые у сынов Израилевых... И поставил он священников на местах их... и сказал левитам, наставникам всех Израилтян, посвященным Господу: поставьте ковчег святы в храме, который построил Соломон, сын Давидов, царь Израилев; нет вам нужды носить его на раменах...»

Иосии не было нужды просить левитов поставить ковчег в храме, если он уже находился там. Следовательно, царь не мог изъять реликвию, поскольку явно полагал, что ее забрали левиты, и, во-вторых, ковчег исчез из храма до обращения Иосии к левитам. Вторая книга Паралипоменон точно датирует это обращение: «в восемнадцатый год царствования», иными словами, в 622 году до н. э.

Из текста Библии неясно, выполнили ли левиты царский приказ. В нем нет ни описания церемонии возвращения ковчега в храм (если таковое имело место), ни вообще никаких упоминаний о ковчеге после этого времени. Похоже, слова царя не были услышаны, а если и были, то теми, кто не мог выполнить их.

Таким образом, к 622 году до н. э. ковчега в храме уже не было. Пропать он мог только в период между смертью Соломона (955 г. до н. э.) и воцарением Иосии (640 г. до н. э.). По этому поводу в книге профессора Менахема Харана «Храмы и храмовая служба в Древнем Израиле» говорится:

«Был только один-единственный период, когда его (иерусалимский храм. – Авт.) лишали изначальной функции и он перестал служить как храм Бога... Это случилось во время царствования Манассии... который установил сосуды Ваала... во внешнем святилище и внес Астарту во внутреннее святилище храма... Это единственное событие, которое может объяснить исчезновение ковчега и херувимов... Мы вправе заключить, что идол Астарты заменил... ковчег и херувимов. Примерно пятьдесят лет спустя, когда Иосия вынес Астарту из храма, сжег ее в долине Кедрона, истер ее в прах и даже развеял прах ее, ковчега и херувимов уже не было там».

Следовательно, ковчег Завета был утрачен во время царствования Манассии! Вот почему его нет в перечне сокровищ храма, захваченных вавилонянами. Но если ковчег был вынесен в связи с идолопоклонством Манассии, тогда как объяснить тот факт, что в Священном Писании нет никакого упоминания о его утрате?

По всей видимости, это событие вызвало у книжников такие скорбные чувства, что они умышленно воздержались от рассказа об исчезновении реликвии. Священники-левиты ни при каких обстоятельствах не могли позволить ковчегу Завета находиться в одном помещении с идолом Астарты. Но во времена Манассии Иерусалим, да и вся страна, не могли считаться безопасным местом для тех, кто сохранял верность Богу. И следовательно, реликвию надо было переправить в более надежное место...

Интересно, что согласно преданиям абиссинских фалашей, их предками были евреи, которые, прежде чем перебраться в Эфиопию, жили в Египте. Они жили там сотни лет и даже построили свой храм близ Асуана. Он простоял долгое время и в конце концов был разрушен. Под давлением внутренних неурядиц, начавшихся в Египте в связи с персидским завоеванием, иудеи были вынуждены уйти – сперва в Мероз (Судан), а затем новая война

изгнала их еще дальше. Беглецы разделились на две группы: одна поднялась по реке Тэкэзе, другая по Нилу. Такими путями они прибыли в Абиссинию и поселились близ озера Тана.

Ковчег Завета был доставлен на озеро Тана и там укрыт на острове Тана Киркос. В памяти фалаша этот остров еще долгое время считался священным. Реликвия оставалась на острове на протяжении восьми столетий, пока не была в конце концов доставлена в Аксум. Это произошло во времена обращения Эфиопии в христианство...

Есть ли под этими преданиями хотя бы крупинка истины?

Как установили археологи, иудейский храм в египетском Асуане действительно существовал, только находился он не в самом Асуане, а на острове Элефантина посреди Нила. Этот храм был разрушен в V веке до н. э., и после этого еврейская община бесследно исчезла с острова. Но ведь именно в V веке до н. э., по преданиям фалашей, ковчег Завета был доставлен в Эфиопию!

Раскопками на Элефантине установлено, что здесь в VII–V веках до н. э. существовало еврейское поселение. Между Элефантиной и Иерусалимом велась оживленная переписка, письма писались на глиняных черепках и папирусных свитках. Во многих из них упоминается храм Яхве на Элефантине. Сегодня археологи с точностью до метра знают его местоположение, знают, когда он был построен – ок. 650 года до н. э., когда он был разрушен – в 410 году до н. э., а также то, что в последующие века на его месте был построен древнеримский храм.

Иудейский храм на Элефантине имел внушительные размеры: около 30 м в длину и 30 в ширину – соответственно 60 и 20 локтей. Любопытно, что Библия указывает те же размеры для храма Соломона в Иерусалиме. Подобно храму Соломона, кровля храма на Элефантине была сделана из кедра. Но если храм Соломона был построен, чтобы разместить в нем ковчег Завета, не логично ли предположить, что и храм близ Асуана был сооружен с той же целью?

Время постройки храма на Элефантине приходится на период царствования Манассии — царя, внесшего идола в святой Иерусалимский храм и тем самым принудившего священников вынести оттуда ковчег. В течение двух столетий реликвия могла храниться на Элефантине. Характерно, что в храме на Элефантине регулярно приносились в жертву животные, в том числе совершалось жертвоприношение барана в пасхальную неделю. Это свидетельствует о том, что элефантинская еврейская община эмигрировала в Египет еще до реформ царя Иосии (640–609 гг. до н. э.), когда жертвоприношения были запрещены где бы то ни было, кроме Иерусалимского храма (этот запрет соблюдался даже евреями, угнанными в вавилонский плен). Поскольку местные евреи регулярно переписывались с Иерусалимом, нет сомнений в том, что они знали о введенном Иосией запрете и все же продолжали совершать жертвоприношения. Следовательно, они считали себя вправе поступать так. Такое право они могли иметь благодаря присутствию ковчега Завета в их храме...

Из найденной археологами переписки мы узнаем, что евреи на Элефантине считали, что Бог физически присутствовал в их храме. В Древнем Израиле (и во время скитаний евреев по пустыне) считалось, что Бог обитает там, где находится ковчег; эта вера была утрачена лишь с признанием утраты ковчега. Когда евреи на Элефантине говорили о божестве, физически присутствовавшем с ними, они вполне могли иметь в виду ковчег.

Разумеется, нет никаких неопровержимых фактов, связывающих фалашей Эфиопии с Элефантиной. Однако, принимая во внимание глубоко ветхозаветный характер религии фалашей, вполне логично предположить, что иудаизм был принесен в Эфиопию из Египта. Одно из доказательств древности иудаизма в Эфиопии – крайне архаичный характер фалашской религии, в которой центральную роль играет жертвоприношение, типичное для Элефантины. Это добавляет веса гипотезе о том, что ковчег Завета мог быть доставлен в Эфиопию с этого острова.

Иудейский храм на Элефантине имел собственное духовенство. В текстах переписки они именуются «кхн» (без гласных). Добавив гласные «а» и «е», получим «кахен». Но ведь так называют фалашских священников!

Одно из названий иудейского храма на Элефантине – «мсгд» (без гласных), что означает «место, где падают ниц». И по сей день у эфиопских фалашей нет синагог, как нет и храма, но свои скромные святилища они называют «месгид».

Таким образом, ковчег Завета мог прибыть в Эфиопию в 470 году до н. э. или около того, иными словами – спустя пятьсот лет после Соломона, Менелика и царицы Савской. Характерно, что Эфиопия – единственная страна, которая еще в древности восприняла иудаизм и сохранила ему верность вплоть до XX века. И это единственная страна в мире, в истории которой ковчег Завета сыграл такую огромную роль и жители которой до сих пор убеждены, что владеют этой реликвией.

Стоит вспомнить, что в книге пророка Софонии, написанной между 640 и 622 годами до н. э., в уста Господа вложены следующие слова: «Из заречных стран Ефиопии поклонники Мои, дети рассеянных Моих, принесут Мне дары» (Соф. 3: 10). Но когда Софония говорит о «рассеянных», какое именно событие он имеет в виду? Ведь до времени жизни Софонии не было никакого «рассеяния» евреев из Святой Земли!

Слова «заречные страны Ефиопии» встречаются в Библии еще один раз, в книге пророка Исайи: «Горе земле, осеняющей крыльями по ту сторону рек Ефиопских, посылающей послов по морю, и в папировых судах по водам! Идите, быстрые послы, к народу крепкому и бодрому, к народу страшному от начала и доныне, к народу рослому и все попирающему, которого землю разрезают реки».

Время жизни Исайи – приблизительно 740–687 (или 745–695) годы. до н. э. Согласно одному преданию, пророк умер мученической смертью от рук царя Манассии. Возможно, в приведенном выше тексте Исайя говорит об Абиссинии и о районе традиционного расселения фалашей: высокогорье вокруг озера Тана действительно «прорезано» реками. Обитатели этой земли – люди «рослые» и «страшные»; такое описание вполне применимо к эфиопам, чья блестящая, каштаново-коричневая кожа отличается от черной кожи жителей других африканских стран. Наконец, Исайя знал, что люди этой земли плавают в «папировых судах». До сих пор обитатели районов вокруг озера Тана широко используют лодки из папируса, которые они называют «тан-куас».

...Эфиопы говорят: если хочешь спрятать дерево, помести его в лес. Чем иным являются «таботы», которым они поклоняются в двадцати тысячах своих церквей, как не настоящим лесом? А в самом сердце этого леса таится легендарный ковчег Завета, построенный у подножия горы Синай, пронесенный через пустыню и реку Иордан, принесший победу израильтянам в их борьбе за землю обетованную, доставленный царем Давидом в Иерусалим и помещенный Соломоном в святая святых первого иерусалимского храма. Приблизительно триста лет спустя он был забран оттуда верными священниками, стремившимися оградить его от осквернения и доставившими его в безопасное место на далеком египетском острове Элефантина. Там для него был построен новый храм, в котором он и хранился следующие двести лет. Когда же храм был разрушен, начались новые скитания. В итоге ковчег был доставлен в Эфиопию, в землю, вдоль и поперек пересеченную реками. С одного острова его переправили на другой – зеленый Тана Киркос, где установили в шатре-скинии и где ему поклонялись последователи единого Бога. На протяжении последующих восьми столетий он был центром своеобразного иудейского культа, поклонники которого стали предками нынешних эфиопских евреев-фалашей. Потом наступило время религии Нового Завета. Христиане переправили ковчег в Аксум и поместили в большой церкви, посвященной Пресвятой Богородице – Деве Марии.

Прошло еще много лет. С течением веков изгладилась память о том, каким путем ковчег попал в Эфиопию. Остались лишь легенды, объяснявшие тот таинственный факт, что небольшой городок среди гор Тиграи был избран Богом как последнее пристанище самой прославленной реликвии времен Ветхого Завета. Легенды эти были позже записаны в книге «Кыбрэ Нэгэст», содержащей, однако, такое множество ошибок и несоответствий, что последующие поколения ученых долго не могли добраться до скрытой в них истины...

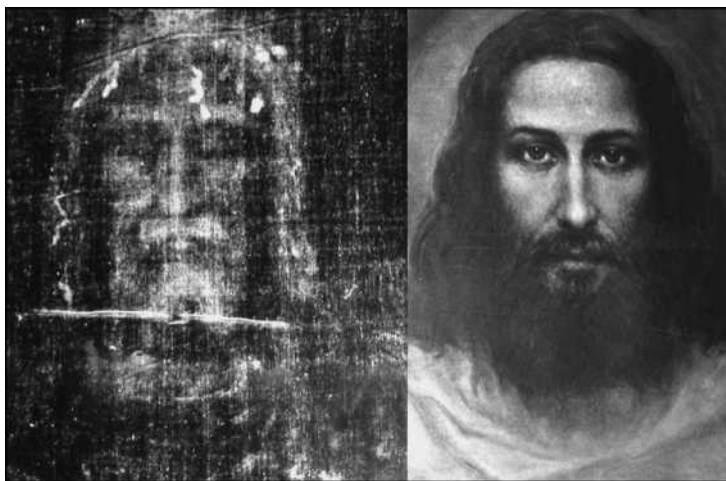
Жители Эфиопии верят, что священная реликвия хранит их страну от врагов и бедствий. Хранители ковчега убеждены, что «все в Эфиопии живут в мире, потому что сила ковчега осеняет их». Как бы то ни было, но Эфиопия – единственная африканская страна, которая за всю свою тысячелетнюю историю ни разу не лишалась независимости и с неизменным успехом, хотя и с различной степенью трудности, отражала любых агрессоров. И это внушает эфиопам уверенность в том, что они являются избранным народом, хранителями подлинного ковчега Завета, теми, кто унаследовал обеты, данные Богом Аврааму.

Туринская плащаница

Местонахождение: капелла Гуарини, кафедральный собор, Турин, Италия

Христианство – это религия воплощения. Поэтому все, связанное с человеческой историей, сущностно связано и с христианством. Бог не только всегда с нами – Он жил на нашей земле и оставил здесь следы своего пребывания. Иначе и быть не могло.

В первые же часы после смерти распятого Христа Иосиф Аримафейский отправился к Понтию Пилату и просил его разрешения снять с креста тело Иисуса. Пилат позволил сделать это, и Иосиф направился на Голгофу вместе с человеком по имени Никодим, который взял с собой специальный состав из смирны (мирры) и алоэ, «литр около ста» (Ин. 19: 39). Вдвоем они сняли с распятия тело Христа и отнесли его в ближайший сад, «и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен» (Ин. 19: 41).

Погребение совершалось в спешке «ради пятницы Иудейской» (Ин. 19: 42). Был самый канун субботы, а в этот день евреям запрещается производить какую-либо подготовку к захоронению умерших, включая обмывание тела, его помазание, подвязывание челюсти, кистей и стоп. Иосиф и Никодим произвели лишь минимальную подготовку умершего к погребению. Они завернули тело в ткань и в таком виде оставили его в гробнице, которую прикрыли большим камнем. Во время погребения были использованы принесенные благовония, хотя как это было сделано точно, неясно.

На третий день после распятия, как повествуется в Евангелии от Иоанна, ранним утром, когда еще не рассвело, Мария Магдалина пришла к могиле Иисуса. Она увидела, что камень отвален от гроба, и сразу же побежала к апостолу Петру «и к другому ученику, которого любил Иисус» (Ин. 20: 2; этим эвфемизмом апостол Иоанн обычно именует самого себя). Вместе они вернулись к могиле и убедились в отсутствии тела в гробнице.

Ученики Христа возвратились к себе, а Мария Магдалина осталась стоять у гроба, горько плача. Неожиданно перед ней предстали два ангела в белых одеяниях. Они спросили Марию, почему она плачет, и та ответила: «унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его» (Ин. 20: 13). В этот момент она обернулась и... увидела стоящего перед ней Иисуса!

В первый момент Мария не узнала его, приняв за садовника. «Жена! Что ты плачешь? Кого ищешь?» – спросил Иисус. Думая, что это садовник, Мария воскликнула: «Господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его» (Ин. 20: 15). «Мария!» – позвал ее Иисус, и женщина наконец поняла, кто стоит перед ней: «Раввуни!» («Учитель!»)

Иисус сказал ей: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему» (Ин. 20: 17). Он попросил Марию пойти к ученикам и рассказать им о том, что она видела Господа – не мертвого, но живого. В гробнице остался лежать лишь кусок льняной материи, – немой, но весьма красноречивый свидетель Воскресения Христова...

Свидетельства о том, что умерший на кресте Христос был завернут в ткань (плащаницу), содержатся в трех синоптических Евангелиях. В Евангелии от Марка мы читаем: «Пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату и просил Тела Иисусова... Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею, и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и привалил камень к двери гроба» (Мк. 15: 43–47). И, как это ни удивительно, есть все основания полагать, что эта плащаница, которая обвивала тело умершего Иисуса Христа, сохранилась до наших дней. Она хранится на севере Италии, в городе Турине в кафедральном соборе, в специальной часовне, защищенная пуленепробиваемыми стеклами и системой сигнализации, запечатанная в драгоценном ковчеге, скрытая от взоров посторонних. А на льняной ткани плащаницы таинственным образом отпечаталось изображение Его распятого тела.

Туринская плащаница имеет длинную историю. Но никогда она не использовалась для того, чтобы убедить кого-либо в истинности Воскресения. Напротив, само присутствие плащаницы как подлинной реликвии в некоторые моменты подвергалось сомнению.

Ранняя история плащаницы известна плохо. Христиане Палестины издавна хранили память о местах, связанных с земной жизнью Иисуса Христа. Когда Елена, мать императора Константина, начала широкое строительство храмов на значимых для христиан местах, она руководствовалась лишь устными преданиями. Елена отыскивала Крест Господень и другие реликвии. Однако о ткани, в которую было обернуто тело Иисуса, в те времена еще нет никаких упоминаний.

При императоре Константине умножилось число паломничеств в Святую Землю. Возвращаясь на родину, паломники имели обыкновение приносить с собой реликвии, иногда – просто взятые на память камни, землю, масло из светильников. Реликвии быстро превратились в предметы торговли; за них платили огромные суммы. Это оправдывалось тем, что места хранения реликвий становились центрами паломничеств. Естественно, вскоре проявились негативные стороны этого: мошенничество, а значит, и разочарование верующих. Вот почему церковь рано заняла весьма сдержанную позицию по отношению к реликвиям и под страхом суровых наказаний, вплоть до отлучения, запретила разделение, куплю-продажу и передачу реликвий и мощей без разрешения соответствующих церковных властей.

В свете всего вышесказанного стоит задаться вопросом: что же представляет собой знаменитая Туринская плащаница – еще одну расхожую реликвию, по отношению к которой следует проявлять сдержанность, или же речь идет о чем-то особенном, связанном со страстями, смертью и Воскресением Господа – словом, всем тем, что составляет безусловный центр христианской веры?

Нужно сказать, что нет абсолютно точных указаний, касающихся ткани, в которую было обвито тело Иисуса после снятия с креста. Евангелисты свидетельствуют, что мертвое тело Христа было обернуто в «плащаницу». Св. Иоанн говорит о «пеленах» и дважды – о «плате, который был на главе Его». И все-таки после Воскресения никаких сведений об этой ткани и о ее местонахождении нет. Некоторые считают странным, что возможные доказательства Воскресения Господа не сохранились в качестве аргумента и не были предъявлены как неопровержимое доказательство. Если реликвия, которую мы называем плащаницей, действительно является той, о которой говорят Евангелия, то почему о ней столько времени не было ничего известно и почему появилась она лишь в определенный момент? Может быть, она долгое время подвергалась (как впоследствии подтвердит история) постоянному риску быть украденной или уничтоженной теми, кто стремился покончить с христи-

анством? Если добавить к этому иудейские понятия о нечистоте всего, что связано с трупом, то причина долгого сокрытия тканей, плата и плащаницы, касавшихся тела умершего Иисуса, становится еще более прозрачной, несмотря на то, что эти ткани, как и пустой гроб, являются первым доказательством Воскресения Господа.

Некоторые апокрифы своими намеками могут помочь нам восполнить эти пробелы. Так, Св. Иероним в своем «De viris illustribus» приводит отрывок из «Евангелия иудеев», апокрифического текста, относящегося ко II столетию: «Отдав плащаницу рабу священнику, Господь явился Св. Иакову»; и в другом месте: «Отдав плащаницу Симону Петру...» Предание о том, что апостол Петр хранил плащаницу, проживет еще довольно долго.

Есть интересное свидетельство, связанное со Св. Ниной, просветительницей Грузии (ок.337 г.). В одном из писем она спрашивает о новых сведениях о плащанице у своего учителя Ниафора и других ученых христиан Иерусалима. Из ее писем следует, что погребальные пелены сначала принадлежали жене Пилата, до тех пор, пока св. евангелист Лука не поместил их в более надежное место. Позднее апостол Петр якобы обнаружил их местопребывание и хранил у себя.

Какие-то ранние следы пребывания нерукотворного образа Иисуса Христа (плащаницы?) обнаруживаются в городе Эдессе (в настоящее время он носит название Урфа). Евсевий Кесарийский в своем труде «История Церкви» (325 г.) рассказывает о царе Эдессы Авгаре; существует также параллельное предание, приведенное в книге «Учение Аддаия» конца V века. Согласно этим источникам, царь Авгар посылал своего архивиста и художника Ханнана к Иисусу и Ханнан вернулся в Эдессу с нерукотворным образом Христа.

В 544 году, во время осады Эдессы персидским царем Хосровом Ануширом, в стене над городскими воротами был найден кусок ткани. На ней был изображен образ Христа Нерукотворного. Этому факту приписывается бегство врагов, осаждавших город (об этом свидетельствует Евагрий Схоластик, 594 г.). В эту же эпоху вновь появляется рукопись «Учение Аддаия», но уже переделанное и под другим названием: «Деяния Фаддея». В ней говорится, что Иисус запечатлел черты Своего Лица на ткани «tetradiplon» («тетрадиплон») – то есть четырежды сложенной вдвое. Эта ткань получает название «syndon» – плащаницы. В это же время эту ткань называли «mandylion» («мандильон»), то есть плат. О нем упоминает в своих сочинениях византийский император Константин VII Багрянородный (913–959). Император был убежден, что этот образ запечатлен самим Христом, приложившим плат к лицу. Он предполагал, что это произошло в Гефсиманском саду, когда во время молитвы со лба Иисуса струился пот, подобный каплям крови. Один из учеников дал Христу плат, и на ткани навсегда остались черты Божественного Лица. Согласно Константину царь Авгар Эдесский прикрепил этот плат к доске, украшенной золотом. На иллюстрациях можно видеть большой прямоугольник, который больше в ширину, чем в высоту, покрытый ромбовидной решеткой, в центре наверху – круг, где виден лик Христа; по бокам – края ткани. Можно понять, что ткань, на которой находился образ, была сложена в несколько раз. Отсюда, вероятно, и возникло слово «тетрадиплон» – неологизм, соответствующий новизне вновь обретенного образа.

Нерукотворный образ Христа сыграл важную роль в борьбе с иконоборчеством. Свидетелями тому являются Св. Андрей Критский, папа

Григорий II, константинопольский патриарх Герман I и Св. Иоанн Дамаскин. В 769 году папа Стефан IV, принимая участие в Синоде, созванном по поводу иконопочитания, использует образ Иисуса Христа, известный как «Эдесский мандильон», в качестве аргумента против иконоборцев. Наконец, Второй Никейский собор в 787 году говорит об образе из Эдессы как о «нерукотворном» и приводит его в качестве одного из аргументов в пользу иконопочитания.

В 944 году византийская армия осадила Эдессу, к тому времени захваченную арабами. Чтобы добиться мира, эмир города вынужден был отдать плащаницу Иоанну Гургену, армянскому военачальнику, находящемуся на службе у императора Константина VII Багрянородного. С этих пор о плащанице постоянно упоминается в перечнях реликвий, хранящихся при дворе византийских императоров.

Свидетельства об этом весьма многочисленны. Первое из них принадлежит самому императору Константину VII, который в своем трактате о реликвии из Эдессы описал ее как нечто нерукотворное и чудесное. В греческой рукописи, хранящейся в библиотеке Ватикана (рук. 511), которую можно датировать началом X века, мы находим проповедь Григория, архидьякона храма Святой Софии Константинопольской, где он описывает нерукотворный «мандильон» как нечто чудесное, созданное самим Христом. Образ представляет собой сияние, запечатленное каплями предсмертного пота, «падавшего, как капли крови, и стекавшего, подобно потокам воды райских рек, берущих начало от дерева жизни, со Святого Лица, который есть начало благодати». Это описание дает возможность догадаться, что речь идет не только о лице Христа, но и о верхней части тела.

Наиболее явным свидетельством раннего существования плащаницы является византийская монета, отчеканенная в конце VII века. На ней представлено погрудное изображение Христа, причем данное изображение имеет 21 сходство с тем, что имеется на плащанице. Например, на монете видны странные линии, соединяющие зрачки глаз с бровями; на плащанице дефект материи пересекает точно те же самые участки глаз. Эти особенности могут быть объяснены тем, что мастер-гравер попытался предельно точно перенести на монетное поле все особенности оригинала. Столь большое количество совпадений позволяет предположить, что плащаница уже существовала, по крайней мере, в 690 году.

Другим значительным событием, свидетельствующим в пользу существования плащаницы еще до XIII века, стало обнаружение в Венгрии иллюстрированной рукописи, где, помимо прочего, имеется и изображение плащаницы; создана рукопись в период с 1192 по 1195 год.

Изображение распятого Христа здесь имеет две примечательные особенности: его сопровождают странные геометрические фигурки (возможно, таким образом художник пытался воссоздать структуру льняной ткани «в елочку») и L-образные дуги, соответствующие тем, что имеются на дошедшей до наших дней плащанице (их, по всей видимости, можно объяснить попыткой художника представить имеющиеся на материале дыры от огня). Известно, что Туринская плащаница подвергалась воздействию огня дважды: первый пожар случился еще до 1192 года; второй имел место в 1532 году.

В 1080 году император Византии Алексей I пишет германскому императору Генриху IV, прося помощи, чтобы защитить драгоценные реликвии, хранящиеся в Константинополе. В их числе упоминается «ткань, найденная во гробе Иисуса после Воскресения». Эта просьба послужила импульсом для начала крестовых походов в Палестину.

В 1147 году император Мануил I Комнин показывал реликвию французскому королю Людовику VII, направлявшемуся в Святую Землю, а в 1171 году – Амори I, латинскому королю Иерусалима. По свидетельству Робера де Клари, летописца 4-го Крестового похода, прежде, чем крестоносцы завоевали Константинополь, в храме Влахернской Богородицы каждый день выставлялась плащаница («sydoine»), и что на ней был ясно виден Лик Иисуса.

4-й Крестовый поход стал несчастьем для Вселенской Церкви. Христиане, пришедшие с Запада, вместо того чтобы помочь своим восточным братьям, начали воевать с ними и грабить их города, часто не оставляя от них камня на камне; это – рана, которая, возможно, еще не зажила. Можно считать, что действительный раскол Церкви на восточную и западную произошел не в 1054, а в 1204 году.

17 июля 1204 году крестоносцы взяли Константинополь и разграбили его. Одним из их любимых занятий стало расхищение реликвий, торговля которыми, хотя и запрещенная и сурово каравшаяся, приносила огромную прибыль. Чтобы понять, сколько стоили реликвии, достаточно вспомнить, что французский король Людовик Святой выкупил у Балдуина II терновый венец Иисуса Христа и другие реликвии за 120 000 фунтов золота (60 000 кг)! Это – вдвое дороже, чем обошлось строительство часовни Сент-Шапель в Париже, которая была возведена специально для хранения этих реликвий.

В 1205 году Теодор Анж в письме к папе Иннокентию III сообщает о разграблении Константинополя французами и венецианцами; венецианцы взяли все мощи и реликвии, тогда как французы – «самое святое: плащаницу, в которую было обвито тело Господа нашего Иисуса Христа после Его смерти». Там же говорится, что после разграбления Константинополя плащаница попала в Афины, где в то время правил герцог Оттон де ля Рош. Он переправил реликвию во Францию.

С этого момента плащаница надолго исчезает. Поскольку в те времена кража священных реликвий каралась отлучением, очень вероятно, что виновные просто скрыли Плащаницу, чтобы не попасть в руки церковного суда. Но сохранили они ее прежде всего из-за ее ценности, в том числе и материальной.

В документах процесса над тамплиерами в начале XIV века можно встретить очень любопытное обвинение: рыцари-тамплиеры якобы тайно поклонялись образу некоего бородатого человека с рыжими волосами. После роспуска ордена его последний великий магистр погиб на костре в 1314 году. Вместе с ним в числе других высших руководителей ордена был сожжен и рыцарь Жофруа (Годфрид) де Шарни, глава храмовников Нормандии.

Легендарные сокровища ордена и оригинал упомянутого образа до сих пор не найдены. Однако была найдена копия этого образа! Она демонстрировалась в Англии в 1945 году, и его сходство с ликом на плащанице несомненно...

Спустя полтора века после ограбления Константинополя ткань, практически идентичная той, что хранилась в храме Влахернской Богородицы, неожиданно объявилась в скромной деревенской церкви в Лири, в 19 километрах от Труа (Франция). Она была преподнесена в дар местным сеньором. Остается загадкой, каким образом реликвия, описание которой совпадает с описанием Туринской плащаницы, попала в руки дарителя. Но зато известно имя этого дарителя: Жофруа де Шарни. Точно так же звали рыцаря-тамплиера, сожженного на костре вместе с великим магистром ордена в 1314 году.

Нет, конечно, никаких оснований полагать, что речь идет об одном и том же лице. Однако несомненно, что тамплиер де Шарни и сеньор Лири находились в родственной связи (во Франции той поры «случайных» однофамильцев не было). И по всей видимости, именно тамплиеры являются тем таинственным «недостающим звеном», что соединяет пропажу плащаницы в Афинах в 1204 году и ее внезапное появление в маленькой сельской церкви в Шампани в 1353 году. Во всяком случае, именно так считает английский исследователь Вильсон.

Церковь в Лири выстроена сеньором Жофруа де Шарни, который, согласно документу, хранящемуся в частной коллекции семьи де Шан, получил плащаницу в дар от короля Филиппа Красивого. По другой версии, высказанной историком Бонне-Эймаром, плащаница с 1-й половины XIII века находилась в руках семейства Шарпиньи из Морей (Греция; глава семьи был рыцарем-крестоносцем, участником 4-го Крестового похода), с которой семья де Шарни породнилась в начале XIV столетия. Агнесса де Шарпиньи стала супругой Дре де Шарни, старшего брата Жофруа, и, возможно, привезла с собой плащаницу в качестве приданого. Как бы то ни было, после 1353 года история плащаницы хорошо документирована.

Хранившаяся в Лири реликвия представляла собой двойной образ Христа на льняной ткани. Как свидетельствуют документы, плащаница сразу же привлекла в это неболь-

шое селение в Шампани море паломников. Епископ Труа Анри де Пуатье решил проверить подлинность реликвии. Он написал настоятелю церкви в Лири и потребовал передать ему реликвию, чтобы подвергнуть тщательному исследованию. Однако, сопротивляясь передаче реликвии в руки епископа, духовенство лирийской церкви отдало ее семейству Шарни на сохранение в замке, находившемся за пределами епархии Труа.

Новый епископ Труа, Пьер Д'Арси, продолжал собирать данные для исследования реликвии. Результаты его он представил папе Клименту VII в 1389 году. После заседания епархиального синода епископ запретил священникам говорить о реликвии в проповедях и под страхом отлучения обязал духовенство лирийской церкви отказаться от новых публичных выставлений плащаницы, потому что она была сочтена поддельной. Настоятель церкви в Лири отказался подчиниться этому требованию. После этого сам сеньор Лири начал демонстрировать народу реликвию, добившись для этого охранной грамоты от короля вопреки решению епископа.

Епископ Дарсис передал дело в суд. Декретом короля Карла VI в начале августа 1389 году суду города Труа было предписано изъять реликвию и поместить ее в одном из храмов города до тех пор, пока не будет вынесено окончательное решение по этому делу. Настоятель, сославшись на то, что у него нет ключей от места, где хранилась реликвия, отказался отдать ее. Тем временем он и сеньор Лири написали папе Клименту VII, прося разрешения продолжать практику выставления плащаницы.

6 января 1390 года понтифик разрешил публичный показ реликвии, на которой есть «образ или изображение Святой плащаницы». При этом, однако, следовало избегать всякой торжественности и вслух объявить народу, что речь идет не о самой плащанице Господа, а о ее изображении. Папа предписал епископу хранить молчание по этому поводу, а настоятелю церкви в Лири запретил говорить о реликвии как о подлиннике.

В 1418 году Маргарита де Шарни, внучка Жофруа де Шарни-второго, при согласии духовенства лирийской церкви, решает отдать реликвию на сохранение своему мужу, графу де ля Рошу. Обе стороны заключили 6 июля 1418 года договор, в котором говорится, что священники церкви в Лири отдали сеньору де ля Рошу «ткань, на которой находится образ или изображение плащаницы Господа нашего Иисуса Христа, помещенной в сундук с гербами рода Шарни», с обещанием вернуть ее, «когда закончатся злоключения, которые претерпевает Франция ныне». Вероятно, реликвия после этого была перенесена в крепость Монфор во Франш-Конте: поздние хроники XVII века сообщают о том, что раз в году в одном из селений этой области производилось публичное выставление плащаницы.

Поскольку Маргарита де Шарни так и не вернула реликвию, клирики лирийской церкви представили дело в суд. В 1443 году судья вынес решение в пользу храма в Лири, требуя возвращения всех драгоценностей и реликвий, кроме плащаницы, которую Маргарита де Шарни имела право оставить еще на три года. В качестве компенсации она должна была каждый год уплачивать большую сумму. Причин, по которым дама стремилась удерживать реликвию у себя, были две: плащаница «была приобретена ее почившим дедом Жофруа де Шарни... и то, что Лири – место, еще небезопасное для реликвии».

На протяжении четырех лет священники настаивали на своих требованиях в суде, но Маргарита продолжала ссылаться на прежние аргументы. 18 июля 1447 года ей дали отсрочку еще на два года, по истечении которых и после уплаты новой суммы денег клирики разрешили продлить хранение еще на три года.

Интересно, что во время этих судебных процессов, историческая достоверность которых не подлежит сомнению, ткань уже не именуется «образом или изображением», как раньше, но прямо называется подлинной плащаницей Христа.

Маргарита де Шарни всегда держала реликвию при себе. Между тем политические обстоятельства вынудили даму отправиться в Савойю, где она должна была отстаивать инте-

ресы и наследственные права своего рода от притязаний герцога Людовика Савойского и его жены Анны Лузиньян. Преодолев многие трудности, Маргарита смогла достичь своих целей. Как видно из договора, который был подписан в Женеве в 1453 году, Людовик Савойский оказался очень щедр с ней из-за «многих и похвальных услуг, которые дама оказала герцогу». Эта фраза может быть намеком на то, с чем сегодня согласны почти все исследователи: Маргарита де Шарни уступила реликвию герцогу Савойскому.

Нетрудно понять причины, по которым герцог так заинтересовался реликвией. Прежде всего он стремился поднять престиж своего рода. Кроме того, его жена, Анна Лузиньян, считала себя по рождению наследницей королей Иерусалима и Кипра, и поэтому особым образом связанной с плащаницей.

Сначала реликвия считалась частной собственностью герцогов Савойских. Она хранилась в домовый часовне и повсюду следовала за двором. Все члены семьи высоко чтили ее. Мало-помалу реликвия становилась все более известной; кардинал Франческо делла Ровере, будущий папа Сикст IV, сообщает о реликвии, находящейся у Савойской династии, в своем труде «*De sanguine Christi*», опубликованном в 1473 году.

У реликвии еще не было постоянного местонахождения, потому что Савойский двор постоянно возил ее с собой, считая средством от всякого рода опасностей. Конечно, в этом был очевидный риск. Поэтому постепенно возникла идея возвести в Шамбери специальную часовню, чтобы хранить там плащаницу. Таким образом, реликвия перестает быть частной собственностью и становится драгоценностью всей Савойи, а позднее – и всей Вселенской Церкви.

12 июня 1502 года реликвия была торжественно перенесена в часовню в Шамбери. Епископ Гренобля лично нес ее в руках. События в Шамбери вызвали огромный энтузиазм верующих; фамильная часовня герцогов Савойских в одночасье стала самым популярным в Европе местом массовых паломничеств. В 1506 году папа Юлий II утвердил тексты литургии для публичного почитания реликвии и провозгласил 4 мая праздником Плащаницы. Несколько лет спустя было основано братство Святой Плащаницы.

4 декабря 1532 года в ризнице часовни в Шамбери произошел пожар. Хотя реликвию вовремя удалось спасти, одна из сторон серебряного ящика, где она хранилась сложенной, оплавился от высокой температуры, и капля расплавленного металла прошла насквозь через все слои ткани. В следующем году на праздник Плащаницы, 4 мая, реликвия не была выставлена, что вызвало разочарование верующих. Поползли слухи, что она сгорела во время пожара. Об этом писали, в частности, Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» и Жан Кальвин в трактате о реликвиях, иронизировавший над их подлинностью.

Чтобы заставить замолчать оппонентов, было необходимо вновь проверить аутентичность плащаницы. Папа поручил эту задачу кардиналу-легату Людовику де Горрево.

Исследование состоялось 15 апреля 1534 года. Реликвия была принесена из башни, где хранилась, в часовню и разложена на столе. Были допрошены двенадцать свидетелей, которые до пожара прикасались к ней своими руками и показывали ее народу. Все подтвердили ее подлинность. Тогда кардинал-легат торжественно провозгласил, что это – аутентичная реликвия. После этого он передал ее сестрам-кларискам и поручил им восстановить то, что было повреждено.

2 мая 1534 года реликвия была торжественно возвращена в часовню в Шамбери. Там она оставалась до 1578 года, когда герцог Эммануил Филиберт Савойский передал плащаницу в Турин. С 1694 года плащаница хранится в роскошной часовне, построенной при Туринском соборе архитектором Гверино Гуарини. Вплоть до смерти короля Умберто II в 1900 году плащаница номинально оставалась собственностью семьи Савойских, после чего в соответствии с волей умершего была передана Святейшему Престолу.

Произошедшее в мае 1898 года событие привело к значительному возрастанию интереса к плащанице во всем мире. Фотограф-любитель по имени Секондо Пиа впервые получил разрешение сделать несколько фотографий реликвии. Войдя в совершенно темное помещение (фотографии делались на стеклянных пластинках), Секондо Пиа испытал благоговейный трепет: на сделанном им негативе темные участки выглядели светлыми, а светлые, наоборот, темными, так что практически неуловимое изображение на плащанице стало живым и ярким. То, что могло оставаться на ткани практически незаметным, очень хорошо просматривалось на негативах!

Открытие Секондо Пиа произвело ошеломляющее впечатление. Позитивное изображение позволило разглядеть не только в лице, но и во всей фигуре такие детали, которые раньше увидеть было невозможно.

С этого момента к исследованию плащаницы приступили ученые. Вот уже более ста лет они пытаются разгадать тайну полотна. Используются самые совершенные методы анализа и самая современная аппаратура; проводятся сложнейшие эксперименты; выдвигаются различные гипотезы. Возникла даже целая наука – синдонология, от греческого «синдон» – плащаница.

Замечательно, что тот лик Иисуса Христа, который мы сейчас знаем по фотографиям, сделанным с Туринской плащаницы, и который так похож на образ с иконы «Спас Нерукотворный», проявился всего лишь сто лет назад, и известен он стал лишь благодаря достижениям тогдашней науки. Плащаница как бы «открыла» свое лицо; с этого времени она заговорила с учеными на языке, понятном только для специалистов – на языке измерений и математических вычислений. Начался полный драматизма и неожиданных открытий процесс исследования реликвии. Для физиков, биохимиков, криминалистов, медицинских экспертов плащаница стала «пятым Евангелием», повествующем о смерти и Воскресении Иисуса Христа, запечатанной книгой, которую они только-только начинают приоткрывать. Не единичны случаи, когда ученый-специалист, в силу своих профессиональных обязанностей приступивший к исследованию плащаницы, приходил к выводу о ее подлинности и через это обращался к Евангелию и ко Христу.

С точки зрения беспристрастного исследователя Туринская плащаница представляет собой кусок льняной ткани длиной 4 м 36 см и шириной 1 м 10 см. Эти размеры практически точно выражаются в единицах древней меры длины – 2 x 8 локтей. Материя пожелтела от времени, и в некоторых местах имеются сожженные участки.

Ткань соткана на примитивном станке, подобно тканям, производившимся в Сирии в начале нашей эры. Технически она определяется как саржа. В различных частях ткань неоднородна по своей структуре, отсюда разница в массе и плотности. Кроме того, льняные нити перемешаны с мельчайшими волокнами хлопка.

Полотно имеет размеры 4,34 x 1,1 м. На его лицевой и изнаночной стороне заметны слабые негативные изображения обнаженного мужского тела во весь рост, расположенные симметрично друг к другу, голова к голове. На одной половине плащаницы – образ мужчины со сложенными впереди руками и ровно лежащими ногами; на другой половине – то же тело изображено со спины.

Образ на плащанице не яркий, но достаточно детальный; он дан одним цветом – желтовато-коричневым, разной степени насыщенности. Невооруженным взглядом можно различить черты лица, бороду, волосы, губы, пальцы.

На плащанице имеются следы крови из многочисленных ран на теле. По лбу и по длинным прядям волос как бы сбегает струйки крови. Кровоподтеки от ударов бичей покрывают всю грудь, спину и ноги. На запястьях и на ступнях видны следы, похожие на пятна застывшей крови, вытекшей из ран, оставшихся от гвоздей. В боку большое пятно, возникшее,

видимо, из-за глубокой раны, достигшей сердца. Все раны до мельчайших подробностей соответствуют истязаниям, описанным в Евангелии.

Можно предположить, что образ на плащанице появился тогда, когда тело Иисуса Христа, в соответствии с евангельским повествованием, было положено в пещеру. При этом тело Его лежало на одной половине плащаницы, а другая половина, перекинута через голову, покрывала Его сверху.

В первые две трети XX столетия исследования плащаницы ограничивались изучением сделанных с нее фотографий, с каждым разом все более и более качественных. На фотографиях были выявлены детали, которые невозможно различить невооруженным глазом.

В 1900 году профессор сравнительной анатомии Сорбонны Ив Деляж (следует упомянуть о том, что он считал себя атеистом) показал сделанные в 1898 году фотографии Секондо Пиа своему другу Полю Виньону. Вскоре к ним присоединились Рене Кольсон (профессор физики) и Арман Готье (профессор медицины). До 1902 года выполняемая этой группой работа представляла собой просто лабораторное моделирование, так как исследователям не удалось получить разрешение на проведение работ с самой плащаницей. Впрочем, на основании результатов этих исследований также можно было доказать, что Плащаница является подделкой, или, наоборот, получить доказательства ее подлинности.

Виньон попытался сперва нарисовать картину на полотне примерно такого же качества, как и плащаница. Однако сделанный им рисунок всякий раз стирался, если ткань складывали. Тогда Виньон начал экспериментировать с так называемой «теорией отпечатка»: он приклеивал себе бороду, обмазывался красной краской, ложился на стол, а ассистенты прикладывали кусок ткани к его лицу. Результаты этих экспериментов были крайне неудовлетворительными.

Затем Виньон испытал так называемую «проекционную теорию». Исследования показали, что пятна на полотне соответствуют тем частям тела, которые соприкасались с тканью или находились на расстоянии не более 1 см от нее. Их интенсивность находилась в обратной зависимости от расстояния: если оно было больше 1 см, изображение отсутствовало. Виньон предположил, что отпечаток на полотне образовался благодаря испарениям от мертвого тела: из пота на ткань, пропитанную смесью алоэ и оливкового масла, выделился аммиак, следы которого остались на ткани... Однако абсурдность этого предположения вскоре стала очевидной даже его автору.

Исследователи пытались получить аналогичное изображение на схожем с оригиналом куске холста путем окрашивания и нанесения на ткань различных химических веществ, а также путем продавливания материи; они анализировали раны и оставшиеся от плоти отметины на теле Христа и на полученном изображении, сравнивая их с повреждениями, которые в действительности могли бы быть нанесены во время казни и распятия на кресте; они изучали также пятна крови на ткани во время химических тестов. К легенде, связанной с плащаницей, эти люди относились с большим скептицизмом, однако результаты исследований подтвердили, что они имеют дело с настоящей исторической реликвией и что плащаница действительно является тканью, которая однажды использовалась во время похорон.

21 апреля 1902 года Деляж представил результаты проведенных исследований во Французскую академию наук. В том же году вышла в свет и первая публикация Поля Виньона «Плащаница Христа» (сначала на французском, а затем и на английском языке).

В начале 1930 года выдающийся французский хирург Пьер Барбе провел ряд опытов над умершими, на основании которых предположил, что ключом к раскрытию тайны Плащаницы мог стать один момент, на который обращали внимание многие: почему на сделанном на ткани изображении на руках отсутствовали оба больших пальца? Экспериментируя, Барбе вбил гвоздь в запястье ампутированной руки и обнаружил, что при этом большой

палец передвигается внутрь, то есть к центру ладони, так как вбиваемый гвоздь приводит к разрыву запястного сухожилия.

Открытие Барбе существенно повысило интерес к реликвии. Сделанные к тому времени Джузеппе Энри новые фотографии плащаницы (при этом использовались более совершенные технологии и оборудование, чем во времена Пиа) снабдили ученых новым материалом для исследований.

Одним из самых важных доводов в пользу подлинности плащаницы является то, что она сообщает нам такие подробности, которые либо существенно уточняют, либо корректируют сложившиеся в веках представления о голгофских событиях. Об этих подробностях в Средние века (если считать плащаницу поздней подделкой) знать просто не могли. Характерно, например, что к XIII–XIV веками в христианской традиции сложились устойчивые каноны изображения Христа. Фигура на кресте никогда не представляла нагой, но всегда в набедренной повязке; руки бывали пробиты в ладонях; терновый венец, если изображался (чаще не изображался), рисовался в виде обруча. На плащанице же распятый совершенно обнажен, что соответствует римским обычаям; руки пробиты в запястьях, что опять-таки соответствует исторической правде – ладони не выдержали бы тяжести тела; терновый венец сплетен в виде митры – царского венца древневосточных царей.

Исследования плащаницы показали, что на ней запечатлено изображение мужчины с бородой и длинными волосами, мощного и пропорционального телосложения и семитскими чертами лица. Возраст – около 30–35 лет, вес приблизительно 79 кг, рост 181 см.

Человек этот был подвергнут ужасным истязаниям. На его теле насчитывается около 600 ран и ушибов. На носу и правой щеке видны раны от удара палкой. Имеются также раны на веках и надбровных дугах, отек на правой скуловой кости, струйки крови, вытекающие из носа, вмятина с небольшим сдвигом на кончике носа, следы вырывания волос вместе с верхним слоем кожи. Все это наглядно свидетельствует о крайней степени страданий Христа. Но несмотря на это, изображение лица на плащанице поражает неповторимой красотой и покоем.

Возложение тернового венца («И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову» (Ин. 19: 2)) не применялось ни в иудейской, ни в римской практике. Этот вид истязаний был придуман только для Иисуса. На плащанице видны многочисленные следы крови, выступившей в результате прокалывания кровеносных сосудов шипами тернового венца. Этот венец имел форму чепца, который охватывал всю голову. Анатомы насчитали 13 ран от шипов терна на лбу и 20 на темени. Поскольку под кожей головы располагается сеть нервных окончаний и кровеносных сосудов, то терновый венец вызывал невыносимую боль, а также обильное кровотечение. «Если учесть, что на 1 кв. см кожи головы приходится свыше 140 чувствительных к боли точек, то можно себе представить огромные страдания Христа во время трагической коронации», – писал Л. Коннини, директор Института анатомии Болонского университета (Италия). Исследования подтвердили совпадение мест появления крови с расположением артерий и вен на голове. Это является очередным доказательством истинности плащаницы, поскольку кровеносная система была изучена и описана только в 1593 году.

Евангелия свидетельствуют, что Иисус был подвергнут бичеванию, и плащаница наглядно подтверждает эти свидетельства. На всем теле видны раны от ударов римской плетью-«флагрум». Это было страшное наказание, иногда даже приводившее к смерти. Плеть представляла собой три длинных ремешка, на концах которых были вшиты кусочки металла, которые при ударе рвали кожу и даже мышцы. Всего на теле имеется 120 ран от ударов плети.

Обычно бичеванию подвергались только те, кто не был приговорен к смерти. После исполнения приговора их отпускали на свободу. Пилат сперва хотел только бичевать Иисуса: «Итак, наказав Его, отпущу» (Лк. 23: 16). Этим, по-видимому, и объясняется большое коли-

чество ударов и необычайная жестокость, с какой римские солдаты бичевали Иисуса: они считали, что выполняют окончательный приговор.

Палачей было двое. Тот, который стоял справа, был более высокого роста и делал свое дело с явным садизмом. Иисус стоял, слегка наклонившись, руки Его были привязаны к столбу. Удары плетей приходились также на живот, верхнюю часть грудной клетки, голени и бедра.

Изучая следы ран на плащанице (в частности, над левой и правой лопатками), ученые пришли к общему мнению, что Иисус нес на место распятия поперечный брус креста, а руки Его были привязаны к нему.

Вес бруса составлял около 30 кг, а его длина достигала 1,8 м. Крайне изнуренному после бичевания Иисусу приходилось преодолеть путь к месту распятия длиной около 0,5 км, и для этого нужно было прилагать большие усилия. Несколько раз падая лицом вниз, он разбивал колени о каменистую дорогу. Ученые обнаружили следы от ран на лице и на коленях (особенно на правом), полученных в результате этих падений. Известно, что сам Иисус не мог донести крест, и римский сотник заставил некоего Симона Киринеянина взять крест, «чтобы нес за Иисусом» (Лк. 23: 26).

Распятие было самым жестоким и унижительным видом казни, применявшимся в Римской империи. На плащанице хорошо видны раны в пробитых гвоздями запястьях. Руки прибывали к кресту гвоздями через запястья, а не через ладони, потому что только тогда они могли выдержать тяжесть тела, висящего на кресте. Ладони, пробитые гвоздями, под весом тела разрывались.

Гвозди вбивались в пространство, называемое «щелью Десто», между запястными костями. В этом месте нет крупных кровеносных сосудов, однако проходит центральный нерв, управляющий движениями человека. «Центральные нервы, – пишет один из исследователей Туринской плащаницы, доктор Пьер Барбе, – в которые попали гвозди, выполняют двигательную функцию, но одновременно являются и сигнализаторами боли. Эта боль ужасная, но переносимая. В противном случае человек потерял бы сознание».

На плащанице видны следы, которые оставили две струйки крови из раны на левом запястье. Благодаря этому ученые смогли установить положение рук, прибитых к поперечному бусу креста. Угол между струйками составляет около 10°, это значит, виса на кресте, Иисус время от времени старался приподняться, чтобы набрать воздуха, и тогда принимал положение 65° от линии плеча, а когда опускался – 55°. На несколько мгновений угол наклона плеч изменялся, и тогда Иисус мог набрать воздуха. Боль и измождение принуждали Его вновь опускаться. Этот ритм подтягивания и опускания на прибитых гвоздями к кресту руках и ногах продолжался около 3 часов и был причиной ужасных страданий. С течением времени ритм становился все более частым, пока не были полностью истерпаны силы и не наступила смерть.

По отпечаткам стоп можно сделать вывод, что они были прибиты одним гвоздем к вертикальной балке креста. Стопы были положены левая на правую.

По мнению врача Луиджи Малантрукко, руководителя лаборатории в Фатебенефрателли (Италия), анализ следов от раны в правом боку – шириной 1,5 см и длиной 4,5 см, а также от обильного вытекания крови и жидкости, скопившихся в плевральной впадине, указывают на то, что непосредственной причиной смерти стал разрыв сердечной мышцы в результате инфаркта, после которого произошло просачивание крови в околосердечную сумку (там собралось около 2 литров крови), а затем – в плевральную впадину, вызвав гемоперикардию. Внезапный разрыв околосердечной сумки под влиянием сильного давления скопившейся там крови вызывает парализующую боль в области грудной клетки. Это было причиной вскрика, после которого Иисус умер. «Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух» (Мф. 27: 50).

Внезапная смерть, наступившая при полном сознании, в крайнем изнеможении, обычно вызывает моментальное посмертное окостенение. Этим объясняется напряженная поза тела на плащанице.

Вскоре после смерти произошло разделение скопившейся в окологрудной сумке крови на красные кровяные тельца, которые собрались в нижней части, и бесцветную плазму, которая оказалась в верхней части плевральной полости. После того как верхняя часть грудной клетки была пробита копьем, произошло внезапное излияние наружу сначала красных кровяных клеток, а затем плазмы крови – «крови и воды», как написал в Евангелии Св. Иоанн (Ин. 19: 34).

Специалисты в области судебно-медицинской экспертизы утверждают, что тело Иисуса было обернуто в плащаницу примерно через два с половиной часа после смерти и оставалось в ней до 36 часов, поскольку на плащанице не осталось следов разложения и гниения. С полной уверенностью можно утверждать, что тело не вынималось из плащаницы, поскольку на ней нет следов отделения от тела и отчетливо видны нетронутые сгустки крови.

Отпечаток мертвого тела на плащанице не указывает, однако, на какие-либо признаки его разложения.

Тщательные исследования образа на плащанице обнаружили указания на то, что вокруг головы Иисуса Христа была повязка, поддерживающая нижнюю челюсть. Другой перевязью были связаны впереди руки. Эти перевязи были под плащаницей, на самом теле Иисуса Христа.

В результате обработки трехмерного изображения ученые идентифицировали две монеты, лежавших на правом и левом глазах человека с плащаницы. Одна монета была отчеканена между 29-м и 32-м годами во времена правления Понтия Пилата, а вторая отчеканена Пилатом в честь Юлии, матери императора Тиберия, в 29-м году после Рождества Христова. Это очередной довод в подтверждение происхождения плащаницы со времен Христа, а наличие монет на глазах отражает древний еврейский обычай при погребении умерших.

Но почему на плащанице не запечатлелась боковая поверхность тела? Ведь если плащаница лежала на теле свободно, она должна была ниспадать по бокам, и боковая поверхность тела должна так же хорошо быть видна, как и остальные участки тела.

Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться к другому месту из Евангелия от Иоанна. «Пришел также и Никодим... и принес состав из смирны и алоэ, литр около ста» (Ин. 19: 39). Сто литров благовоний – это более 30 кг. Смирна представляет собой загустевший сок кустов бальзамической мирры, а алоэ – это порошкообразное ароматическое вещество из сандалового дерева. Внимательное чтение Библии убеждает нас, что в древности обычным делом было приготовление благовоний в твердом состоянии, особенно для длительного хранения.

Из сопоставления Евангелия от Иоанна с Евангелиями от Марка и Луки становится ясным, что Иосиф Аримафейский и Никодим не совершали омовения тела Иисуса Христа. С этой целью как раз пришли рано утром после субботы жены-мироносицы ко Гробу Господню, чтобы совершить то, что не было сделано при погребении. Плащаница также свидетельствует, что омовения тела Иисуса Христа не было совершено, иначе следы крови были бы смыты и не запечатлелись на ткани плащаницы. Поэтому следует предположить, что либо Иосиф и Никодим передали состав смирны и алоэ для приготовления мира женщинам, которые стояли поодаль при погребении Иисуса Христа, либо они оставили смирну и алоэ в пещере. Но первому предположению противоречит свидетельство Евангелия от Марка, в котором говорится, что жены-мироносицы сами купили благовония (Мк. 16: 1). И даже если часть порошкообразного состава из смирны и алоэ Иосиф и Никодим передали женщинам, чтобы они приготовили помазание (Лк. 24: 56), большую часть его Иосиф и Никодим, по-

видимому, насыпали пригоршнями по периметру вокруг тела Иисуса Христа, лежащего на одной половине плащаницы. Тридцати килограммов для этого было достаточно.

Плащаница одновременно выполняла роль простыни, покрывала и плата. Одна половина лежала снизу, а другая накрыла тело Иисуса Христа сверху и, опираясь на насыпанные благовония, не касалась с боков Его тела. Иосиф и Никодим оставили тело Иисуса Христа покрытым плащаницей, но не связанным жгутами, чтобы позволить женщинам, стоящим поодаль, прийти после окончания субботы и завершить обряд погребения.

Не противоречит ли вышеизложенная последовательность событий, предполагающая, что тело Иисуса Христа не было омыто и помазано Иосифом и Никодимом, утверждению из Евангелия от Иоанна: «Они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи» (Ин. 19: 40)?

Вовсе нет. Словами «как обыкновенно погребают Иудеи» апостол Иоанн объясняет читателю, не знакомому с иудейскими обычаями, что связывать тело покойного было необходимо по правилам погребения. Для Иоанна это обстоятельство чрезвычайно важно, так как в последующем повествовании именно связанные пелены, обнаруженные им в пустой гробнице, помогли ему понять, что тело Иисуса Христа не украли, но Он Воскрес.

Апостол Иоанн не утверждает, что все, требуемое законом, было исполнено при погребении. Напротив, он подчеркивает поспешность погребения ввиду приближения субботы: «Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко» (Ин. 19: 42). Что же касается необходимого помазания, то оно, как об этом сказано Самим Господом, было совершено заранее, накануне Пасхи: «Возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению» (Мф. 26: 12).

Итак, исследуя плащаницу, специалисты сумели с высокой степенью точности воссоздать события, о которых повествуют Евангелия. Однако научное сообщество менее всего склонно доверяться чудесам. Удобнее и проще было предположить, что плащаница – произведение искусства. Правда, химические анализы подтвердили, что следов краски на ткани нет. Но рисунок может быть нанесен на ткань не только с помощью красок, но и с помощью некоторых веществ, дающих при определенных условиях потемнение волокон. Анализы обнаружили следы крови на месте ран? Но она могла быть нанесена и специально для большей убедительности!

И все-таки версию о том, что плащаница – творение художника, пришлось отвергнуть. Можно допустить, что средневековые живописцы использовали для нанесения изображения на ткань вещества, которых мы не знаем и обнаружить аналитическим путем пока не можем. Но никакие алхимики не могли создать негативное изображение человеческого тела! Даже Леонардо да Винчи не смог бы сделать рисунка в форме негатива. Это вообще невозможно, даже сейчас, когда эффект негативного изображения известен и изучен. Что же говорить о временах, когда о нем не имели ни малейшего представления!

А если это все же всего лишь творение художника, то возникают вопросы: кто и почему создал это изображение? И как мог средневековый художник создать негативное изображение еще до изобретения фотографии?

Большинство врачей и патологоанатомов, занимавшихся изучением плащаницы, поражаются точности воспроизведения положения тела, полученных ран, нюансов, связанных с распятием на кресте; кроме того, специалисты отмечают анатомическую точность сделанного изображения. Исследовавшие плащаницу медики решительно отвергли все версии о ней как о деле рук художника. Они утверждают, что лицо и тело на плащанице не только анатомически идеально точны – в них обнаруживаются признаки трупного окоченения, наступившего в распятом состоянии, а по характеру подтеков крови у ран можно установить, что тело вздрагивало от боли и предсмертных конвульсий. По их мнению, не чем иным, как только отпечатком мертвого тела, изображение на Туринской плащанице быть не может.

В 1969 году произошел важный прецедент: группа специалистов (11 человек) была впервые допущена к плащанице. Правда, цели этого исследования в основном касались выяснения качества сохранности плащаницы и выработки предложений по ее дальнейшему хранению.

В 1973 и 1978 годах руководитель полицейской лаборатории в Цюрихе (Швейцария) доктор Макс Фрей дважды брал на анализ образцы биологического материала с плащаницы. На основании их изучения ему удалось выделить и идентифицировать пыльцу 58 видов растений. Некоторые из них встречаются в Европе, а 44 произрастают в Палестине, Южной Турции или окрестностях Стамбула (Константинополя). Семь из них растут только в пустынных солончаках и не могли встречаться на территории средневековых Франции и Италии, где, как известно, долгое время пребывала плащаница. В результате Фрей сделал вывод о том, что плащаница когда-то побывала в Палестине. Но поскольку с 1353 года реликвия не покидала Европы, можно сделать вывод, что когда-то она находилась в Палестине и Константинополе, что согласуется с историческими данными.

Эти результаты позже были подтверждены доктором Ури Барухом из Израильского института древностей. Он выделил уже 165 разновидностей цветочной пыльцы, причем 45 из них происходят с Ближнего Востока.

В 1977 году для изучения плащаницы был создан специальный исследовательский проект STURP. Участники проекта ставили перед собой три задачи: выяснить природу изображения на Туринской плащанице; выяснить происхождение пятен крови; объяснить механизм появления изображения.

Участвовавшие в проекте американские ученые в 1978 году установили, что изображение просматривается лишь на самой верхней части поверхности волокон; его нет ни с наружной стороны ткани, ни в центре нити (для этого они использовали микроскоп с диапазоном увеличения 6,3х—64х). Также они показали, что темные и светлые участки изображения не связаны с наличием темных или светлых волокон, как можно было бы ожидать при окрашивании; все нити на изображении были одинакового светло-желтого цвета. В местах, где этих волокон было больше, изображение казалось более темным. Это позволило установить, что изображение на плащанице является трехмерным.

Попытки обесцветить волокна, проводившиеся с использованием 25 различных растворителей, оказались безрезультатными — отпечаток на плащанице ничем невозможно удалить.

Вскоре после того как американские участники проекта STURP вернулись из Турина, двое из них протестировали взятый с окровавленных участков ткани материал и пришли к выводу, что на материи имеются пятна настоящей крови. Возможно, что они находились на ткани еще до появления отпечатка тела, так как под этими пятнами каких-либо следов изображения нет. В то же время группа итальянских ученых, возглавляемая судебным патологоанатомом доктором Пьерлуиджи Байма-Боллоне, на основании проведенных независимых тестов сделала еще более далеко идущие выводы: им не только удалось доказать, что на Плащанице имеется человеческая кровь, но они также выяснили, что это кровь группы АВ Rh(+)

Следующим знаменательным этапом в исследовании плащаницы стали работы американского физика Джона Джексона, преподавателя физики в военно-воздушной академии США. Работая с моделью плащаницы, он с помощью специальных приборов экспериментально измерил на курсантах-добровольцах среднее расстояние, образующееся между поверхностью тела и тканью, его покрывающей. Полученные данные он сравнил с изменением цвета на фотографиях плащаницы и обнаружил, что потемнение плащаницы в каждой точке находится в зависимости от расстояния до тела, которое оно, видимо, когда-то покрывало. Джексон, будучи специалистом в области обработки аэрофотоснимков, приме-

нил к фотографиям плащаницы разработанные для этого компьютерные программы, и ему удалось с их помощью восстановить реалистическую объемную форму лица и всего тела человека, образ которого запечатлен на плащанице. Дальнейшие эксперименты показали, что фотографии а также картины, выполненные рукой художника, не обладают подобным свойством: по ним не удастся восстановить реалистическую объемную форму изображенного на них оригинала.

Открытие Джексона стало новым серьезным свидетельством в пользу нерукотворной природы образа на плащанице.

Результаты прямых научных исследований Туринской плащаницы можно попытаться суммировать следующим образом.

Во-первых, установлено, что образ не является результатом привнесения в ткань каких-либо красящих веществ. Это полностью исключает возможность того, что образ является делом рук художника.

Характерный желтовато-коричневый цвет образа вызван химическим изменением молекул целлюлозы, из которой в основном состоит ткань плащаницы.

Физические и химические исследования пятен крови на ткани в согласии друг с другом подтвердили, что это именно человеческая кровь. Было доказано, что пятна крови появились на плащанице до возникновения на ней образа. В тех местах, где была кровь, она как бы экранировала ткань от изменения ее структуры.

Однако попытки понять механизм возникновения образа на плащанице встретились с непреодолимыми трудностями.

Ситуация в исследованиях Туринской плащаницы сейчас сложилась таким образом, что полученные о ней сведения достаточны, чтобы отвергнуть все гипотезы, предлагаемые для объяснения механизма возникновения образа. Этих гипотез четыре:

1. Плащаница – произведение кисти художника.
2. Образ на плащанице – результат прямого контакта с объектом.
3. Образ на плащанице – результат диффузионных процессов.
4. Образ на плащанице – результат радиационных процессов.

Как уже было сказано, имеются убедительные доказательства того, что образ на плащанице не является произведением художника. Остаются три последние версии. Все они были подвергнуты теоретическим и экспериментальным исследованиям. Было показано, что механизмы контакта с тканью позволяют передать тонкие детали поверхности объекта, но они не способны создать образ, который за счет изменения интенсивности цвета передавал бы плавно изменяющееся расстояние между тканью и объектом. С другой стороны, диффузионные и радиационные процессы, с учетом поглощения средой, могут создать образы, которые несут информацию о расстоянии между объектом и тканью. Однако они не способны создать образы, обладающие нужным разрешением, т. е. обеспечить достаточно высокую точность в передаче деталей, какую мы находим в изображении на плащанице.

Все полученные данные свидетельствовали о том, что плащаница, несомненно, несет на себе отпечаток мертвого тела. Но является ли оно телом Иисуса Христа? Решить вопрос о подлинности плащаницы могла только ее точная датировка.

После открытия в 1949 году метода радиоуглеродного датирования исследователи неоднократно обращались к церковным властям с просьбой провести такой анализ для точной идентификации изображения на плащанице. Если бы результаты тестов показали, что она существовала еще при жизни Иисуса Христа или даже до этого, то она могла бы действительно считаться «Священной плащаницей»; если бы ученые доказали, что ткань создана позже, то речь могла идти только о подделке. Однако на протяжении многих лет эти обращения отвергались, так как для исследований необходимо было отрезать от реликвии изрядный

кусок. Однако со временем методика проведения данного исследования была значительно усовершенствована. Теперь для его выполнения понадобились бы лишь небольшие фрагменты материи, размер которых не превышает размеров почтовой марки.

В 1988 году образцы ткани плащаницы были наконец взяты для радиоуглеродного анализа. Фрагменты ткани вместе с несколькими контрольными образцами, относящимися к началу II века и к концу Средних веков, были отправлены в три независимые лаборатории в Тусоне (штат Аризона, США), Оксфорде (Англия) и Цюрихе (Швейцария). Методом масс-спектрометрии ученым удалось измерить остаточную радиоактивность изотопов углерода в нитях льна, из которых соткана материя. Точность полученных результатов составила примерно 95 процентов.

На основании проведенных исследований все три независимые лаборатории – в США, Англии и Швейцарии – выдали схожие данные: возраст Туринской плащаницы составляет всего 600–730 лет!

В исследовании плащаницы наступил кризис. Ученые во всем мире принялись анализировать полученные данные. Результаты тестирования нельзя было объяснить ни предварительной химической обработкой образцов, ни неточностью оборудования; речь могла идти лишь о наличии некоторых статистических погрешностях. Но если результаты анализа ошибочны, то может быть, проблема связана с самим исследуемым образцом?

Потребовалось двадцать лет, чтобы доказать, что плащаница все-таки подлинная, а в радиоуглеродную хронометрию вкралась ошибка. И сделали это российские исследователи.

«Странно, что крупные специалисты не учли известные факторы, которые могли вызвать эффект “омоложения” плащаницы; некоторые из них открыла именно наша лаборатория», – заявил биохимик Дмитрий Анатольевич Кузнецов, выступая на международном совещании в Риме, состоявшемся 2 мая 1993 года. Доклад российского ученого из исследовательской лаборатории им. Е.А. Седова, стал настоящей сенсацией. Д.А. Кузнецов поставил под вопрос достоверность полученных данных для объекта, подобного плащанице, за свою долгую историю многократно подвергавшемуся сильным загрязнениям, от которых практически невозможно избавиться.

Вслед за Д.А. Кузнецовым проблему достоверности результатов радиоуглеродного датирования подняли в своих работах американец Л.Г. Вальдес, французский профессор Ж.-Б. Ринодо, немецкий исследователь Э. Линдер. Кратко суммируя результаты их исследований, можно сказать, что в результате одного только пожара в Шамбери в 1532 году ткань плащаницы могла «помолодеть» примерно на 350 лет за счет приращения содержания в ней углерода C-14. К этому следует добавить влияние микрофлоры, внутреннее биофракционирование изотопов углерода и другие факторы. Наконец, в отчетах лабораторий, проводивших в 1988 году радиоуглеродные исследования плащаницы, выявлены несоответствия, ставящие под сомнения чистоту проведенного эксперимента.

Группа российских специалистов под руководством директора Института криминалистики ФСБ Анатолия Фесенко пришла к выводу, что еще одной причиной «омоложения» ткани стали следы растительного масла, с помощью которого в Средние века реставрировали плащаницу после пожара. Эти привнесенные в ткань органические вещества более позднего происхождения «омолодили» ее на целых 1300 лет, серьезно повлияв на результаты исследования.

Московский химик Андрей Иванов провел серию собственных экспериментов. Он смоделировал пожар, при котором в Средние века пострадала реликвия, и установил, что плащаница загрязнилась «молодым» углеродом. Ученый предложил другой способ определения возраста плащаницы: по содержанию азота, который со временем замещает углерод в волокнах ткани. И хотя азота там ничтожно мало, существуют методы, способные точно зафиксировать его количество.

В поддержку версии российских ученых американские исследователи обнаружили наличие на ткани плащаницы «биопластического покрытия», возникающего в результате жизнедеятельности грибов и бактерий. Это покрытие распределено по всей поверхности ткани, начиная от угла, отрезанного в 1988 году для проведения радиоуглеродного тестирования. Эксперименты показали, что во время предварительной обработки образцов, которая проводится для их последующего изучения в лабораторных условиях, ученые, скорее всего, не смогли удалить такое сильное загрязнение.

Более того: еще в 1973 бельгийский эксперт, занимающийся изучением текстиля, Жильбер Райес, пришел к выводу, что углы плащаницы, очевидно, уже в Средние века стали постепенно снашиваться, так что потребовался ее ремонт. Именно этим объясняется появление «заплат» с изнаночной стороны всех углов плащаницы, которые фактически перекрывали даже часть изображения. В роли этих заплат выступал голландский подкладочный материал, подшитый к плащанице весной 1534 года. Поэтому можно было также предположить, что на взятый для изучения образец ткани оказал воздействие материал, добавленный во время восстановления плащаницы в 1534 году, в результате чего содержание изотопов C-14 могло измениться за счет добавления новых нитей. В последнем случае связь между исследуемым образцом ткани и плащаницей не могла быть точно установлена до тех пор, пока не были получены аналогичные результаты для еще хотя бы одного образца, взятого из другого места плащаницы. Введение же дополнительного количества углерода в исследуемый материал серьезно искажает получаемые результаты, делая плащаницу значительно «моложе», чем она есть на самом деле. Наконец, в 2005 году в строго научном журнале *Thermochimica Acta* была напечатана подробная статья, в которой доказывалось, что датировка 1988 года была ошибочной – ученым дали на исследование дефектный образец, заплатку времен Средневековья, которой латали плащаницу после одного из пожаров. Автор публикации, известный химик Раймонд Н. Роджерс, сотрудник Национальной лаборатории в Лос-Аламосе, приводит в этой статье собственные данные, согласно которым возраст плащаницы составляет от 1300 до 2000 лет.

На III Международном конгрессе по изучению плащаницы, прошедшем в Турине 6–7 июня 1998 года, были обобщены все данные, полученные в XX столетии в результате исследований и экспериментов. Особое внимание было уделено двум темам: проблеме датировки радиоуглеродным методом и проблеме происхождения изображения на ткани. Вероятность того, что образ Христа просто нарисован, исключена окончательно – ткань была подвергнута спектральному анализу и исследована в инфракрасных лучах, и это подтвердило невозможность искусственного создания изображения.

Еще одна сенсация, связанная с плащаницей, обошла мировые средства массовой информации в апреле 2004 года: итальянские и британские ученые, обработав фотографии Туринской плащаницы, обнаружили на обратной стороне покрывала второе изображение мужского лица!

«Когда я смотрел на фотографии, у меня возникло впечатление, что и на обратной стороне плащаницы есть слабое изображение», – говорит профессор Падуанского университета Джулио Фанти. Хотя это изображение было очень нечеткое, ученому удалось различить очертания носа, глаз, волос, бороды и усов. Не удалось разглядеть лишь формы тела. «На обеих сторонах полотна лик запечатлен на самой поверхности ткани и затрагивает лишь самые внешние волокна материала», – рассказывает Фанти. По его мнению, при таком раскладе очень трудно подозревать подделку.

Обратная сторона плащаницы была впервые исследована лишь в 2002 году, когда во время реставрации с реликвии сняли нашитые в 1534 году заплатки. Компьютерный анализ показал, что изображение на изнаночной стороне совпадает с изображением на лице-

вой. Хотя ученые получили достаточно смутные очертания лица, они смогли различить нос, глаза, волосы, бороду и усы. Обнаружить отражение тела на изнанке покрывала не удалось.

Сотрудники лондонского Института физики обнародовали 13 апреля 2004 года заявление, в котором говорится, что вновь открытое изображение, которое было недоступно невооруженному глазу и скрывалось под всем уже известным образом, обладает «поразительным эффектом» трехмерности и, кроме того, «по форме, размеру и положению совпадает с уже известным лицом». А в докладе, опубликованном в журнале «*Journal of Optics A Pure and Applied Optics*», подчеркивается, что изображение на обеих сторонах плащаницы располагается на поверхности ткани и не затрагивает нитей, находящихся в глубине. Ученые выдвигают гипотезу о том, что следы на покрывале могли образоваться в результате коронного разряда. Такой разряд может возникнуть, когда тело находится в ионизированной атмосфере в электрическом поле. Похоже, ученые близки к тому, чтобы дать внятное и приемлемое в научной среде объяснение главной загадке плащаницы: каким образом на ней запечатлелось, как на фото пленке, изображение тела Христа?

Первая известная гипотеза на этот счет датируется X веком, и принадлежит она Григорию, архидьякону храма Св. Софии в Константинополе. Он предположил, что нерукотворный образ возник буквально «из-за испарины смерти на лице Спасителя». В других гипотезах предполагалось, что фактор, оказавший воздействие на ткань плащаницы, имел естественную природу. Третьи уточняли: этот естественный фактор был следствием другого сверхъестественного события – Воскресения Иисуса Христа.

Российский физик Александр Беляков доказывает, что отпечатавшееся на ткани изображение – результат процессов, происходивших в теле Спасителя при Воскресении. Он сформулировал теорию, которая получила название теории «огненного тела». Суть этой теории в том, что в момент Воскресения Иисуса Христа его плоть преобразилась в световую энергию. Энергия как бы наполнила тело в момент Воскресения, повторяя его форму.

Ученый своими экспериментами продемонстрировал необычность этого излучения. При помощи различных лучей – от ультрафиолетовых до рентгеновских – исследователь проецировал изображение на ткань. Но четкого рисунка не получалось даже на очень близком расстоянии. Между тем на плащанице изображение губ, пальцев и других более мелких деталей очень четкое. Таким образом был сделан вывод, что ни один из известных современной физике видов излучений не мог оставить на ткани таких следов!

Проведенное исследование недвусмысленно подводит нас к мысли о том, что и сам этот неизвестный фактор не был естественной природы, то есть не подчинялся законам физики. По-видимому, этот фактор стал результатом прямого действия Бога. В момент Воскресения некая световидная энергия наполнила тело Иисуса Христа или окружила Его тело, повторяя его форму.

Эта энергия, возможно, была подобна тому огню, в котором являлась сила Божия, как мы читаем об этом в Ветхом Завете. Когда Бог явился Моисею на горе Синай, Моисей увидел горящий, но не сгорающий куст терновника. Огонь горел, но не распространялся на весь куст. А когда Илия возносился на небо, Елисей увидел как бы огненную колесницу, которая подхватила Илию и понесла его.

Следует отметить, что Воскресение Иисуса Христа не было похоже на другие случаи воскресения людей из мертвых, описания которых мы встречаем в Ветхом и Новом Завете. Это Воскресение было подобным тому, о котором пишет апостол Павел: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор. 15:44). Этот огонь был прямым действием Бога. Перед ним творение тает, как воск от огня, но сам этот огонь не растекается произвольно и не распространяется по законам физики. Плащаница, по-видимому, говорит нам о том, что Воскресение Иисуса Христа произошло в огненном теле, и это огненное тело оставило ожог в виде нерукотворного образа на ткани плащаницы. Таким образом, на плащанице

запечатлено не только тело Иисуса Христа, распятого и умершего на кресте, но и его тело по Воскресении.

Действие этого огня вызвало химические изменения в ткани плащаницы и ее потемнение, подобное тому, какое происходит от сильного излучения. Энергетическая плотность огненного (плазменного) тела уменьшалась в зависимости от расстояния до поверхности ткани. Именно поэтому плащаница потемнела сильнее в тех местах, которые были ближе к телу. Максимальное потемнение возникло в точках, которые прикасались к телу.

Можно ли проверить справедливость этой версии?

Для проверки положений предлагаемой гипотезы необходимо провести соответствующий эксперимент. Однако в нашем случае мы имеем уникальный след Божьего воздействия на плащаницу, и не в нашей власти повторить что-либо подобное. Но ведь ученым приходится исследовать и такие явления, которые они не могут смоделировать в своих лабораториях. Может быть, имеются какие-то дополнительные сведения, которые могут подтвердить справедливость предлагаемой гипотезы? Такими дополнительными сведениями могли бы быть свидетельства евангелистов в сопоставлении их со свидетельством плащаницы. Если гипотеза огненного тела позволит привести в гармонию ряд, казалось бы, не связанных между собой обстоятельств, то в этом случае она получит дополнительное подтверждение.

Для того, чтобы назвать имевший место факт историческим, необходимы два условия: чтобы этот факт был включен в причинно-следственную цепь, образующую ткань действительности; чтобы он стоял в одном ряду с другими историческими событиями, так, чтобы его можно было изучать по аналогии. Воскресение Иисуса Христа не отвечает ни одному из этих условий: оно не связано причинно-следственной связью ни со смертью Иисуса, ни с пустым гробом, ни с Его последующим присутствием на этой земле. Но если данные науки верны, то все указывает на то, что Туринская плащаница – возможно, последнее напоминание о человеке, который пострадал от ужасных мук и умер на кресте в самом начале I века новой эры. И если этот человек – Иисус Христос, то мы находимся прежде всего перед доказательством любви, приведшей Его к смерти, чтобы дать нам жизнь. И в этом смысле плащаница становится источником, документом, связывающим между собой многие поколения верующих в Иисуса Христа. Они не нуждались в ней, чтобы верить, но тем не менее ревностно хранили и почитали ее, потому что она была видимым знаком любви Спасителя.

Многие сегодня забывают, что центром христианской веры является личность распятого и воскресшего Иисуса Христа, а не какие-то идеи, культура, обряды или этические позиции. Чтобы помочь нам найти личный контакт со Спасителем, провидение сохранило до нашего времени потрясающий образ Его страданий и смерти, запечатленный на погребальных пеленах Христа. Плащаница является своего рода пятым Евангелием, которое написано не чернилами, а кровью, пролитой ради нашего спасения.

Исследования плащаницы дают нам возможность вместе с нею стать свидетелями и очевидцами Воскресения Христова. Конечно, Христос – не исторический деятель прошлого. Иисус Христос живет и сегодня, потому что Он Воскрес. И именно это стало причиной возникновения общины Его последователей. Живое и прямое доказательство Воскресения Христа – это Церковь Христова, которая возникла не из согласия между Его последователями, с тем, чтобы продолжать Его дело и распространять Его учение, а потому, что Он дал им увидеть Себя Живым.

Крест Господень

Местонахождение: реликвия раздроблена на фрагменты, которые ныне хранятся в десятках церквей и монастырей христианского мира.

Крест, на котором страдал Иисус Христос и на котором Он умер, вполне естественно и логично стал объектом особого почитания христиан, одной из главных христианских реликвий. Евангелия не сообщают нам о нем никаких подробностей. Однако после обретения креста императрицей Еленой в 326 году и по мере углубления его почитания всеми христианами – и латинского, и византийского, и других обрядов – начали рождаться различные апокрифические легенды, повествующие о предхристианском происхождении креста.

В латинской традиции Западной Европы около XIII столетия родилась так называемая «Золотая легенда», впервые рассказанная в 1260 году Якопо де Вораджине, епископом Генуи. Согласно этому преданию, дерево, из которого был изготовлен Крест Господень, произросло из семени Древа Жизни, росшего в райском саду. Первый человек Адам перед смертью попросил своего сына Сифа сходить к воротам Рая и попросить у архангела Михаила семя от Древа Жизни. Когда Сиф вернулся, Адам уже умер, так что семя положили ему в рот и вместе с ним Адам был похоронен. Семя впоследствии проросло и превратилось в дерево из трех сросшихся стволов, которое продолжало расти несколько веков, до времен царя Соломона (согласно другому преданию, Лот, племянник Авраама, посадил три дерева – кипарис, сосну и кедр. Разрастаясь, за долгие века они переплелись, срослись и в конце концов срослись в одно большое дерево).

Когда царь Соломон начал сооружение своего знаменитого храма, это дерево срубили, однако по каким-то причинам строители им не воспользовались (по одной из версий, оно не подошло из-за своих размеров). Срубленное дерево использовали в качестве балки при строительстве моста. Когда царица Савская приезжала в Иерусалим к Соломону, она преклонила перед этим древом колени и предрекла, что Спаситель всего мира будет повешен на нем, а царству иудеев придет конец. Испугавшись этого пророчества, царь Соломон приказал закопать брус в землю. Однако позже дерево было найдено при строительстве бассейна для омовения, вода которого прославилась чудесными исцелениями. Этот бассейн стал известен как Силоамская купель. После ареста Христа дерево всплыло из вод купальни и из его древесины был изготовлен крест для распятия. На месте же, где когда-то, по преданию, произрастало дерево, ныне стоит монастырь Святого Креста, на протяжении многих столетий являвшийся очагом грузинской культуры на Святой Земле.

В 326 году по инициативе Елены в Иерусалиме были организованы поиски, приведшие к открытию Святого Креста и Гроба Господня. Раннехристианский писатель Евсевий Кесарийский, написавший «Жизнь Константина», подробно рассказывает о том, как по приказу Елены был снесен языческий храм Венеры, стоявший на месте погребения Христа, и скрыта земля под ним. По счастью, сооружая храм, римляне не сровняли с землей скалы, в которых были высечены древние гробницы, а, привезя большое количество земли для засыпки, ограничились лишь выравниванием поверхности. Образовалась огромная земляная насыпь в виде террасы, спасшая таким образом могилы от разрушения. Раскапывая ее, рабочие обнаружили выступ природной скалы, в котором копавшие опознали Голгофу – место распятия Христа, обнаружили под ним и пустую гробницу, а неподалеку, во рву – кресты Иисуса и двух разбойников, распятых вместе с ним. Вместе с крестом были обнаружены четыре гвоздя и табличка с латинской надписью INRI (первые буквы латинской фразы «Иисус Назарейский, царь Иудейский»). Подробности этого события можно прочесть у византийского историка Сократа Схоластика:

«Сняв идола, откопав и очистив место, она (Елена. – *Примеч. авт.*) нашла в гробнице три креста: один – преблаженный, на котором висел Христос, а прочие, на которых распяты были и умерли два разбойника. Вместе с ними найдена и дощечка Пилата, на которой распятого Христа провозглашал он в разных письменах царем иудейским. Но так как все еще неизвестен был крест искомый, то мать царя обуяла немалая скорбь. От этой скорби вскоре, однако, избавил ее иерусалимский епископ по имени Макарий. Он разрешил недоумение верою, то есть просил у Бога знамения и получил его. Это знамение состояло в следующем: в той стране одна жена одержима была долговременной болезнью и, наконец, находилась уже при смерти. Епископ вознамерился поднести к умирающей каждый из тех крестов, веруя, что, коснувшись креста драгоценного, она выздоровеет. Надежда не обманула его. Когда подносили к жене два креста не господних, умирающей нисколько не было лучше, а как скоро поднесен был третий, подлинный – умирающая тотчас укрепилась и возвратилась к совершенному здравью. Таким-то образом найдено древо креста».

Деятельность Константина и Елены (они позднее были канонизированы) в Святой Земле легла в основу традиции почитания святых мест Палестины, связанных с именем Христа и первых апостолов.

Согласно Сократу Схоластику императрица Елена разделила Животворящий Крест на две части: одну поместила в серебряный футляр и оставила в Иерусалиме, а вторую отправила своему сыну Константину, который поместил ее в свою статую, установленную на колонне в центре Константиновой площади. Оставшаяся в Иерусалиме часть Креста находилась там длительное время и регулярно выставлялась для поклонения народу. В 614 году персидский царь Хосров II, захвативший Иерусалим, вывез Крест в свою столицу Ктесифон. Реликвия вернулась в Иерусалим лишь после победы императора Ираклия над персами в 628 году.

Практика отделения от Креста частиц началась уже при императрице Елене. По дороге в Константинополь она оставляла частицы Креста в основанных ею монастырях. В последующие века отделение частиц и целых фрагментов продолжалось; уже в IV столетии этими реликвиями, по выражению современника, «была наполнена вся земля», частицы Креста имелись даже в церквях и монастырях Северной Африки. Около 455 года иерусалимский патриарх Ювеналий отправил в подарок папе римскому Льву I фрагмент «драгоценного Древа». Еще одну часть креста привез в Рим в VII столетии папа Сергий I, византиец по происхождению.

Основная часть Креста все это время продолжала храниться в храме Воскресения Господня в Иерусалиме. Она оставалась там до эпохи Крестовых походов, однако затем его следы теряются. В XIII столетии бесследно исчезает и константинопольская часть Креста, вывезенная в 1204 году крестоносцами из захваченной столицы Византии. Считается, что по крайней мере одна часть Креста была разделена на многие частицы разного размера. К концу эпохи Средневековья эти фрагменты хранились во многих церквях и монастырях, разбросанных по всей Европе. Известный деятель Реформации Жан Кальвин язвительно говорил по этому поводу, что из всех этих «частиц Креста» можно построить целый корабль. Однако в 1870 году французский ученый Шарль Ро де Флэри (1801–1875) в своей книге «*Les instruments de la Passion*» («Орудия Страстей», Paris, 1870), подсчитал, что общий вес всех сохранившихся к тому времени фрагментов Креста составляет всего около 1,7 килограмма. Он составил полный каталог всех известных реликвий Креста и показал, что в совокупности все эти фрагменты не достигли бы и одной трети высоты Креста Господня, который, как считается, имел три или четыре метра в высоту, с шириной поперечной перекладины 2 метра (ряд исследователей полагает, что в реальности пропорции Креста были несколько меньше). Первоначальный объем Креста, по подсчетам Ро де Флэри, составлял 178 кубических метров, в то время как общий объем всех известных реликвий Креста составляет около 4 кубических метров. Таким образом, 174 кубических метра Креста бесследно утрачено за прошедшие столетия.

Наибольшая часть фрагментов Креста Господня, в совокупности составляющих 870 760 кубических миллиметров, ныне хранится на горе Афон. 537 587 кубических миллиметров фрагментов хранится в Риме, 516 090 – в Брюсселе, 445 582 – в Венеции, 436 450 – в Генте и 237 731 – в Париже. Четыре частицы Креста, ныне хранящиеся в церкви Санта-Кроче в Риме, соборе Парижской Богоматери, соборах в Пизе и Флоренции и имеющие документальные подтверждения о том, что это именно фрагменты Креста Господня, присланные в разное время византийскими императорами, подвергались научным исследованиям с использованием современных аналитических методов, причем было установлено, что все эти фрагменты происходят от одного дерева – оливы. Окончательная точка в исследованиях еще не поставлена, так что в этой истории можно ожидать многих интересных поворотов.

Терновый венец Иисуса Христа

Местонахождение: часовня Сент-Шапель, Париж, Франция

Остров Сите, огибаемый двумя рукавами Сены, – исторический центр Парижа. Еще в эпоху раннего Средневековья здесь разместились главные постройки французской столицы: королевский замок, собор и епископский дворец. Об этом времени напоминают суровые башни, высящиеся над рекой в западной части острова. Это Консьержери – древняя резиденция французских королей.

Жемчужиной Консьержери является Королевская, или Святая, капелла Сент-Шапель, расположенная в юго-восточном дворе замка. Она была построена в 1246–1248 годах в рекордно короткий по тем временам срок. Имя архитектора в точности неизвестно, однако обычно постройку капеллы связывают с именем Пьера де Монтрейля, мастера из Амьена.

Из-за огромного количества украшений как внутри, так и снаружи, Сент-Шапель нередко сравнивают с ювелирным украшением. Средневековые мастера блеснули здесь поразительным искусством создавать из камня и стекла настоящее легкое кружево.

Сент-Шапель строилась как часовня-реликварий, и весь ее облик говорит об особом значении этого сооружения. И это действительно так: на протяжении шести столетий здесь хранился терновый венец Иисуса Христа, в 1239 году привезенный в Париж из Константинополя.

...В ночь перед распятием Христа римские солдаты и толпа, вооруженная палками и мечами, с фонарями и факелами отправились к месту, называемому Гефсиманией, где находился Иисус со своими учениками. Предатель Иуда приблизился к Иисусу и поцеловал его, показывая стражникам, что это именно тот, кого они ищут. Апостол Петр кинулся с мечом на толпу, отсек кому-то правое ухо, однако Иисус велел Петру убрать меч. Вооруженные солдаты схватили и связали Христа, после чего повели его ко двору первосвященника.

Немедленно созванный совет – Синедрион – устроил судебное разбирательство. Толпа лжесвидетелей выдвигала против Иисуса различные обвинения, однако Синедрион так и не смог найти весомых причин для того, чтобы предать Иисуса смерти; наконец пришли два лжесвидетеля «и сказали: Он говорил: могу разрушить Храм Божий и в три дня создать его» (Мф. 26: 61). Первосвященник обратился к Иисусу с требованием ответить что-нибудь на это обвинение, но Иисус промолчал. «И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?». На этот вопрос Иисус ответил

утвердительно и предрек: «Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется?» (Мф. 26: 63–66). В ответ на это толпа взревела: «Повинен смерти!».

На следующее утро Иисуса отвели к римскому наместнику Понтию Пилату; тот задал Иисусу несколько вопросов, после чего вышел к народу и объявил, что не считает Иисуса виновным в приписываемых ему преступлениях. По традиции в дни празднования Пасхи римский правитель освобождал из заключения кого-либо из узников, и у Пилата в тот день был выбор: отпустить разбойника Варавву или Иисуса из Назарета. Однако подстрекаемая фарисеями толпа потребовала освобождения Вараввы. В надежде успокоить возбужденных людей, Понтий Пилат приказал высечь Иисуса плетью. Помимо этого его солдаты всячески старались оскорбить узника; они облачили Иисуса в багряницу, дали ему в руки трость, плевали на него, били и в насмешку величали «Царем Иудейским».

«И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость: и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Мф. 27: 29).

После того как Иисус был избит и осмеян, Пилат снова вышел к народу и повторил, что не считает Иисуса виновным в совершении какого-либо преступления, за которое он был бы достоин смерти. Затем он вывел пленника к толпе.

Иисус был одет в багряницу; голову его покрывал терновый венец. «Распни, распни его! – вопила толпа. – Он сделал себя сыном Божиим и по закону нашему должен умереть!» Услышав эти слова, Понтий Пилат испугался и еще раз вместе с Иисусом возвратился во дворец, чтобы спросить его, кто он. Сначала Иисус ничего не ответил ему, но когда Пилат сказал, что только он один может решить вопрос о казни или помиловании пленника, Иисус тихо произнес, что власть правителя была дана Понтию Пилату Богом и те люди, которые привели к нему Иисуса, совершили большой и тяжкий грех. Пилат снова обратился к толпе с призывом освободить Иисуса, но толпа неистовствовала: «Распни его! У нас нет другого царя, кроме кесаря!» Пилат умыл руки и передал Иисуса солдатам, которые увели его на казнь...

Терновый венец Иисуса Христа на протяжении многих веков служил объектом поклонения. Первый исторический документ, в котором упоминается эта реликвия, датирован 409 годом. В то время венец хранился в Иерусалиме, куда уже тогда стекалось множество паломников. Некоторым из них в качестве подарка вручались отдельные шипы из венца.

В 1063 году терновый венец был перевезен в императорский дворец в Константинополе. А в 1204 году столица Византии пала под ударами крестоносцев. На обломках рухнувшей державы было создано несколько новых государств, самой крупной из которых являлась Латинская империя. Ее император Балдуин II, занявший трон в 1228 году, постоянно нуждался в деньгах. В конце концов нужда заставила его распродать большинство святынь реликвий, доставшихся крестоносцам после захвата Константинополя. Одним из первых на предложение Балдуина откликнулся французский король Людовик IX.

В 1239 году реликвии, включая терновый венец, доставили в Париж. По этому случаю было устроено торжественное шествие по улицам города, в котором приняли участие король и другие высокопоставленные лица. Спустя несколько лет во дворе замка Консьержери начала вырастать кружевная часовня Сент-Шапель, специально предназначенная для хранения святынь реликвий.

В дни французской революции толпы граждан, озверевших от «свободы, равенства и братства», нанесли часовне колоссальный ущерб. Однако терновый венец был спасен и в 1809 году передан на хранение в собор Парижской Богоматери, в котором продолжает нахо-

диться вот уже почти два века. На поклонение реликвии сюда съезжаются паломники со всего мира.

Терновый венец представляет кольцо из терновника диаметром более 20 см. Его первоначальный вид практически не поддается восстановлению, так как на протяжении многих столетий фрагменты реликвии раздавались верующим. Несмотря на имеющиеся исторические документы, исследователей продолжает волновать вопрос: является ли данный терновый венец именно тем, что был возложен на голову Христа около двух тысячелетий тому назад? Доказать это трудно или даже просто невозможно, однако в данном случае подлинность реликвии, как и многих других реликвий, связанных с распятием Христа, является вторичной по сравнению с их исторической ценностью и глубоким смыслом, который помогает людям лучше осмыслить и понять как свое прошлое, так и настоящее.

Копье сотника Лонгина и Священное копье

Местонахождение: Музей истории искусств, Вена, Австрия

...Понтий Пилат не сумел успокоить ярость пришедшей к его дворцу толпы, жаждавшей смерти Иисуса, и в конце концов поддался ее требованию. Римские солдаты повели Иисуса на казнь.

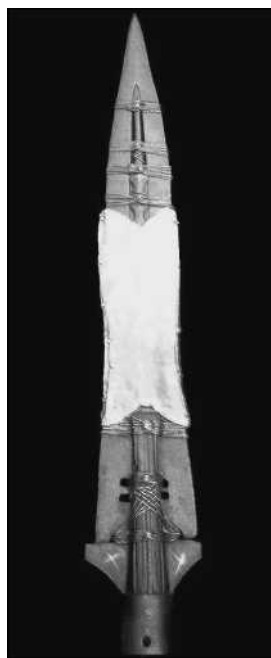
На вершине Голгофы солдаты прибили гвоздями к кресту руки и ноги Христа. Тело его обвисло под собственной тяжестью, доступ воздуха в легкий был затруднен, и, задыхаясь, он испытывал ужасные муки. Над головой Иисуса повесили дощечку с надписью: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский» (Мф. 27: 37). Собравшиеся возле распятого Иисуса люди выкрикивали в его адрес различные оскорбления. «Если Ты Сын Божий, – кричали они, – сойди с креста» (Мф. 27: 40). «Других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему» – насмехались другие (Мф. 27: 42–43).

Около 9 часов вечера началась агония. Из последних сил Иисус громко воскликнул: «Или, Или! Лама савахфани?», что по-арамейски означало: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27: 46). Один из солдат взял губку, намочил ее в уксусе и, наложив на трость, поднес к устам распятого. После этого Иисус опять громко возопил и испустил дух. В этот момент, как образно повествует Евангелие от Матфея, «земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись..., и многие умершие воскресли».

Солдаты перебили ноги двум несчастным, распятым одновременно с Иисусом, чтобы ускорить их смерть. Однако когда они подошли к Иисусу, то увидели, что тот был уже мертв. Тогда воин взял копье и пронзил бок Иисуса; из тела брызнули кровь и вода.

Широкое почитание реликвий, связанных со страстями Христовыми, началось во времена Елены – матери императора Константина, основателя Восточной Римской (Византийской) империи. Обратившись в христианство, Елена стала одной из самых горячих сторонниц новой религии. Она совершила паломничество в Святую землю и дала средства на строительство нескольких церквей. При ней на горе Голгофа было сделано удивительное открытие: найдены крест, на котором был распят Иисус, и гвозди, которые были вбиты в его тело во время казни.

Приблизительно к этому же времени относится и появление Священного копья – того самого, что пронзило бок Иисуса. Истинное происхождение его остается неизвестным, а первые свидетельства о его существовании относятся по крайней мере к VI веку. В числе других реликвий копье (оно получило название копье сотника Лонгина) оставалось в Иерусалиме вплоть до 614 года; в тот год персидский царь Хосров II Парвиз напал на Иерусалим.

Часть реликвий персы уничтожили, часть увезли с собой. Позднее копье вернулось в Византию и на протяжении нескольких столетий хранилось в императорской сокровищнице в Константинополе.

Когда в 1204 году крестоносцы разграбили Константинополь, часть обширного собрания реликвий, принадлежавших византийским императорам, бесследно пропала. Наряду со многими другими ценностями исчезло и копье сотника Лонгина. Оно (или не оно?) неожиданно объявилось уже после окончательного падения Византии, в 1492 году, когда турецкий султан Баязет II отправил в дар папе Иннокентию VIII копье, которое, как считалось, было тем самым пропавшим много лет назад копьем сотника Лонгина!

Сегодня эта реликвия хранится в Ватикане, в соборе Св. Петра, но представляет она скорее исторический интерес: ведь до сих пор в точности неизвестно, является ли это копье тем самым, что много веков назад хранилось в Константинополе, и является ли копье, хранившееся в сокровищнице византийских императоров, тем самым копьем, что пронзило бок умирающего Христа...

Копье сотника Лонгина очень часто смешивают с так называемым Священным копьем. Дополнительную путаницу в этот вопрос вносят дошедшие до нас от X века записи, в которых копье, вонзенное в бок Иисуса, прямо называется Священным.

Священным копьем долгие годы владели императоры Священной Римской империи. Оно появилось в VIII или IX столетии. Внутри его острия, как считается, скрыт гвоздь – один из тех, которые пронзили руки и ноги Христа во время казни (по преданию, он был взят из гробницы Святой Елены). Вероятно, именно поэтому копье получило наименование Священного.

В Средние века считалось, что это оружие делает непобедимым его владельца. Копье переходило от одного правителя к другому, и каждый из них считал, что обладание этой святыней является гарантом их прав на суверенитет и своеобразным благословением небес.

Одним из первых обладателей Священного копья – с начала 920-х годов – был король Рудольф Бургундский. От него в результате обмена оно перешло к императору Священной Римской (Германской) империи Генриху I. Таким образом, оно стало символом Германской империи и после смерти Генриха I в 936 году было унаследовано его старшим сыном Оттоном I Великим.

Императору Оттону удалось одержать несколько громких военных побед, которые молва связала с обладанием Священным копьем (об этом подробно рассказывает итальянский хронист X века Лиупранд Кремонский).

Уже в конце XI века Священное копье уверенно считалось тем самым копьем, что пронзило бок Иисуса Христа. По прошествии двух с половиной веков другой император, Карл IV, даже приказал сделать на копье соответствующую надпись. Неизвестно, на основании чего родилась подобная уверенность; можно сказать лишь, что это безусловно была ошибка. Однако позже эта ошибка явилась одной из причин обострения конфликта между Римом и Византией – ведь византийские императоры тоже были уверены, что являются обладателем Священного копья...

Священное копье стало составной частью герба Священной Римской империи, который позднее пополнился имперским крестом, короной, яблоком (державой) и скипетром. Формально Священная Римская империя германской нации просуществовала до 1806 года и была уничтожена Наполеоном.

С XVI века обладателями копья, наряду с другими реликвиями Священной Римской империи, стали австрийские монархи из династии Габсбургов. По-видимому, уже к тому времени копье лишилось древка и его острие приобрело свой современный вид: длина – около 20 дюймов, в середине – эллиптическое отверстие, заполненное искусно вделанным в него железным стержнем; считается, что здесь находится гвоздь (или частицы нескольких гвоздей), которыми были прибиты руки и ноги Христа во время распятия. Лезвие копья, расщепленное на две половинки, соединяется железной пластинкой; вокруг нее тянутся два пояса, серебряный и золотой, с надписями на них.

В 1918 году империя Габсбургов пала. Копье наряду с некоторыми другими реликвиями, составлявшими собственность австро-венгерской короны, перешло в собственность Австрийской республики. Пришедший в 1933 году к власти в Германии Гитлер проявлял большой интерес к Священному копью: в его глазах оно было реальным воплощением Первого рейха – Священной Римской империи германской нации, преемником которого считался гитлеровский Третий рейх.

Поэтому сразу после аннексии Австрии в 1938 году Священное копье было вывезено в Германию – в Нюрнберг, где оставалось вплоть до окончания Второй мировой войны. Оно в целостности и сохранности пережило воздушный налет на Нюрнберг британских ВВС (английские летчики понесли в этот день самые большие потери, и германская пропаганда поспешила связать это с присутствием в Нюрнберге Священного копья).

2 августа 1946 года представители армии США в сопровождении городских чиновников Нюрнберга провели осмотр двенадцати хорошо упакованных ящиков, хранившихся в камере № 3 в нюрнбергской тюрьме. В восьмом ящике было найдено Священное копье. Вскоре после этого оно было возвращено обратно в Австрию.

Покров Богоматери

Местонахождение: собор Нотр-Дам, Шартр, Франция

Старинный французский город Шартр расположен в 90 километрах к юго-западу от Парижа. Его история берет свое начало в середине I тысячелетия. Приблизительно к этому же времени относится и постройка в Шартре первой христианской церкви, которая, как считают, была сооружена на месте, где во времена галлов находилось кельтское языческое капище. А спустя некоторое время – в точности неизвестно, когда, но не ранее VIII столетия – в Шартре появилась драгоценная реликвия христианства: Покров Богоматери (Святой Покров – Sainte Chemise). Предание утверждает, что именно этот покров был на Деве Марии в момент рождения Иисуса Христа.

Согласно одной из наиболее распространенных версий, реликвия появилась в Шартре во времена правления французского короля Карла II Лысого (843–877). К тому времени в Шартре сменились уже три церковных здания (все они сгорели от пожаров) и епископ Жильбер вел реконструкцию четвертого, обратив его в городской кафедральный собор. Реконструкция храма началась в 859 году после разорения, которому подвергся город во время набега норманнов годом раньше. Карл Лысый пожертвовал в восстановленный собор драгоценную реликвию – Покров Девы Марии.

В 911 году под стенами Шартра снова появились норманны. Тогда произошло первое чудо, связанное с Покровом. Шартрский епископ Жантельм, надеясь на заступничество Девы Марии, вывесил Покров на городской стене, и норманны, как свидетельствует старинная хроника, обратились в бегство.

Второе чудо в Шартре произошло в 1194 году, когда собор, где хранилась священная реликвия, был практически полностью уничтожен громадным пожаром. Но ларец, в котором хранился Покров Девы Марии, уцелел!

Случилось поистине невероятное. Два священника находились в подземной часовне церкви, когда вспыхнул огонь, и успели спрятать реликвию в специальном тайнике, устроенном на случай войн и стихийных бедствий. Спустя три дня Покров был найден среди пепелища и торжественно пронесен по улицам Шартра.

Покров Богоматери по сей день хранится в Шартрском соборе. В своем сегодняшнем виде он представляет собой фрагмент шелковой ткани бежевого цвета длиной около двух метров и шириной 46 сантиметров. Первоначально его длина составляла около пяти с половиной метров, но во время революции, чтобы спасти реликвию, духовенство Шартрского

собора разделило Покров на несколько фрагментов, которые были розданы людям, сохранившим верность Христу в кровавые времена «свободы, равенства и братства». В 1819 году самый крупный из этих фрагментов был возвращен в храм.

В 1927 году сотрудники Музея истории тканей при Торговой палате города Лион провели экспертизу Покрова Богоматери. Они пришли к выводу, что «повышенный интерес к Шартру, связанный с нахождением здесь святой реликвии, скорее всего возник в VIII–IX веке. Намного более сложной задачей является определение времени появления святыни, так как она представляет собой кусок практически бесцветной материи, а одной из основных характеристик ткани как раз и является ее цвет; тем не менее этот факт не мешает ученым считать, что данная реликвия пришла к нам из более древних времен». Предполагаемое время изготовления ткани – I век н. э. «Во время проведения исследования, – говорится в акте экспертизы, – не было выявлено никаких фактов, опровергающих предположение, согласно которому на Деве Марии в момент рождения Иисуса Христа была надета именно эта ткань. Тем не менее данное предположение остается всего лишь гипотезой, которая пока что не получила научного подтверждения». Это положение до сих пор остается в силе.

Покров Девы Марии выставляется для поклонения в первое воскресенье каждого месяца, а также в дни наиболее важных церковных праздников.

Чаша Святого Грааля

Местонахождение: кафедральный собор, Валенсия, Испания

Эта таинственная реликвия волнует человеческое воображение на протяжении уже многих столетий. Множество окутывающих ее легенд до такой степени исказили ее реальный облик, что сегодня уже почти невозможно сказать: где у этой истории начало и есть ли у нее окончание?

Существуют две – абсолютно взаимоисключающих – основные версии по поводу того, чем является Святой Грааль. По одной версии, которую условно можно назвать «христианизированной», это – чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал капли пролитой на Голгофе крови Иисуса Христа. Возможно, она была и той самой чашей, из которой апостолы пили вино на Тайной вечере: «И взяв чашу и благодарив, сказал: примите ее и разделите между собою; ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие» (Лк. 22: 17–18).

Другая версия – назовем ее «эзотерической» – считает Грааль большим изумрудом, или чашей, изготовленной из изумруда. По преданиям герметиков, предводитель падших ангелов Люцифер, он же сатана, имел на лбу (вариант – в короне) изумруд, который потерял при своем свержении с небес. Впоследствии из этого изумруда и была изготовлена чаша Грааля. Этой чашей якобы обладали тамплиеры, а позднее она стала символом некоторых еретических антицерковных учений, что вообще говоря, неудивительно, раз этот «эзотерический» Грааль был связан с самим сатаной.

Хотя обе эти версии уходят своими корнями если не в предначальную эпоху, то по крайней мере к началу нашей эры, в реальности легенды о Святом Граале появились довольно поздно: лишь в XII веке. Именно в это время один за другим увидели свет несколько поэм и рыцарских романов о Граале, в том числе «Рассказ о Граале» Кретьена де Труа, начатый в 1182 году, но так и не законченный; поэма «Парсифаль», которую Вольфрам фон Эшенбах написал, как считается, между 1185 и 1210 годами; и наконец, «Смерть Артура» – эпос, написанный Томасом Мэлори уже в середине XV столетия. В последующие годы сочинение Мэлори послужило отправной точкой для ряда книг и кинофильмов, рассказывавших о поисках Святого Грааля.

Мэлори представил христианизированную версию «единственного истинного поиска» Грааля. Он описывал реликвию как «золотой сосуд», который подавала «прекрасная чистая дева» и который содержал кровь Иисуса Христа. По-видимому, таков был образ, долго и бережно хранимый в народной памяти, где Грааль всегда представлялся в виде чаши (обычно той самой, в которую Иосиф Аримафейский собрал несколько капель крови Христа). В то же время рассказ Вольфрама фон Эшенбаха, которого считали тайным тамплиером, напротив, был более «мирским», он совершенно лишен символизма Нового Завета, а сама реликвия – которую также несла дева, как и у Мэлори, – описывалась как камень.

Между тем в самом раннем произведении, где упоминается Святой Грааль – «Сказании о Граале» Кретьена де Труа, – не говорится четко, что Грааль был чашей. Из контекста романа, однако, вытекает, что Кретьен де Труа видел его именно таковым. В нескольких местах он упоминает главного персонажа – «царя-рыбака», которому «подавали в Граале», и позже добавляет: «Ему подавали одну-единственную освященную облатку, приносимую в граале, который поддерживает его жизнь в полном расцвете, настолько божественен этот грааль». Кстати, слово «грааль» – производное от старофранцузского «градаль» (латинского «градалис»), означающее «широкий, с углублением, сосуд». В разговорной речи времен Кретьена де Труа «градаль» часто произносилось как «греаль». В более поздние времена слова «гразаль» и «гриаль» использовались в южных районах Франции для обозначения разного рода емкостей.

Кроме упоминания «освященной облатки» Кретьен не дает никакой иной недвусмысленной связи с христианством. Подобно Вольфраму фон Эшенбаху, французский поэт вовсе не упоминает кровь Христа и уж определенно не намекает на то, что реликвия служила для ее хранения. Выходит, что образ «святой крови», связанный с Граалем в народной культуре, был добавлен более поздними авторами. Этот процесс «христианизации» Грааля, по всей видимости, направлялся монашеским орденом цистерцианцев. В свою очередь, цистерцианцы находились под влиянием Св. Бернара Клервоского, крупнейшего религиозного деятеля Европы XII столетия. Именно Бернар Клервоский предложил на обсуждение мистическую точку зрения на кровь Христа, которая была включена составителями «Поисков» в новое представление о Граале. С тех пор «камень» Вольфрама фон Эшенбаха оказался совершенно преданным забвению, а «сосуд» Кретьена де Труа оказался наполненным кровью Христа.

Кретьен де Труа «изобрел» Грааль в 1182 году. До того года Грааль не существовал ни в истории, ни в мифологии. Правда, рассказывались легенды, связанные, например, с подвигами короля Артура и его рыцарей, из которых придворные поэты и рассказчики черпали вдохновение для своих историй о Граале. Эти предания, передававшиеся из уст в уста, из поколения в поколение, были хорошо известны и апробированы, знакомы всем без исключения, и вполне годились для того, чтобы придать творческий импульс новому циклу романов о Граале, начало которому положил Кретьен де Труа в конце XII столетия.

Великий французский поэт так и не закончил свое знаменитое «Сказание о Граале». Спустя несколько лет Вольфрам фон Эшенбах воспользовался им, расширив и закончив историю, начатую предшественником, одновременно грубо обвинив Кретьена в ее «дурном изложении» и заявив, что его собственный текст является «истинной историей». Подобные заявления выглядят странными, если учесть, что Вольфрам явно заимствовал многие подробности из «Сказания о Граале» и в целом сохранил верность его сюжету и персонажам. Имеется лишь одно вызывающе очевидное отличие – причудливое нововведение, превратившее Грааль в камень. Речь не может идти о простой ошибке Вольфрама – он был слишком умным и точным рассказчиком, чтобы совершить столь вопиющую ошибку. Отсюда следует единственный вывод: Вольфрам описал реликвию таким образом по какой-то осо-

бой, известной только ему причине. Может быть потому, что был приверженцем «эзотерической», нехристианской версии? Характерно, что в своей поэме Вольфрам утверждает, что Грааль хранил рыцарский орден Templaisen – в этом искаженном немецком названии легко угадывается знаменитый орден тамплиеров...

Главным связующим звеном между ранними легендами о короле Артуре и христианским апокрифом о Граале, использующим образы Нового Завета, стал сборник «Поиски Грааля», составленный цистер-цианскими монахами в XIII столетии. В аллегорической форме Святой Грааль иногда даже отождествлялся с Девой Марией. Такая аллегория подкреплялась следующей аргументацией: Грааль (согласно поздним вариантам легенды) содержал кровь Христа; Мария до Рождества содержала Христа в своем чреве; следовательно, Грааль является – и всегда был – символом Марии: ведь в соответствии с подобной логикой Мария Богородица (греч. Теотокос) являлась священным сосудом, который содержал Слово, ставшее плотью.

Но независимо от того, какой именно смысл вкладывали разные рассказчики в понятие «Святой Грааль», чаша Святого Грааля действительно существует! Эта чаша, из которой Иисус Христос испил во время Тайной вечери и в которую Иосиф Аримафейский собрал после Распятия Его Кровь, с 1437 года хранится в Испании, в капелле дель Санто-Калис кафедрального собора города Валенсия.

История этой драгоценной чаши высотой 17 см, выточенной из розового агата и украшенной драгоценными камнями и жемчугом (ее официальное название – Саграда Сена, «Святая чаша»), крайне любопытна. По преданию, ее доставил из Палестины в Рим сам первоверховный апостол Петр. Затем в течение двух столетий она принадлежала римским епископам – преемникам Св. Петра. Когда при императоре Валериане начались очередные гонения на христиан, папа Сикст II перед своей мученической кончиной в 258 году поручил диакону Лаврентию во что бы то ни стало сохранить Святую чашу. Реликвию переправили подальше от Рима – вглубь Испании, в город Уэску. Во времена мавританского владычества чаша хранилась в монастыре Сан-Хуан да ле Пенья, и только после изгнания мавров арагонский король Альфонсо V Великодушный передал ее в кафедральный собор Валенсии.

В 1808 году, во время нашествия армии Наполеона, один старый священник увез чашу в город Аликанте. Последняя большая опасность угрожала реликвии в 1936 году, во время Гражданской войны в Испании. На этот раз ее удалось укрыть в деревне неподалеку от Валенсии.

Первый научный анализ предполагаемой «чаши Грааля» был произведен в 1960 году; тогда исследователи пришли к выводу, что она была изготовлена на Ближнем Востоке не ранее IV века до н. э. и не позднее I века н. э. – то есть время земной жизни Христа вполне укладывается в эту дату. В 1994 году появилось обширное исследование Мануэля Санчеса Наваррете, посвященная истории, легендам и традициям, связанным с чашей Саграда Сена. Прямых же свидетельств того, что именно эта чаша служила Христу и апостолам на Тайной вечере, разумеется, нет, и отыскать их практически невозможно. В своей работе, посвященной чаше Грааля, немецкий исследователь Михаэль Хессман справедливо отмечает: «Никто не может с достоверностью доказать, что речь идет о той самой чаше, которой пользовались Христос и Его ученики на Тайной вечере; этот факт остается вопросом веры».

Чаша Саграда Сена официально признана Римско-католической церковью как великая христианская святыня. Папа Иоанн Павел II во время посещения Валенсии в 1982 году назвал чашу Саграда Сена «следом пребывания Христа на земле». Ежегодно в Страстной четверг, в канун Пасхи, по улицам Валенсии с этой чашей совершаются торжественные процессии верующих.

Чаша из Антиохии

Местонахождение: Нью-Йоркский музей искусств, Нью-Йорк, США

Эта серебряная чаша, найденная при раскопках древней Антиохии, однажды стала мировой сенсацией: ученые выдвинули весьма доказательную гипотезу, что именно она является священной реликвией, считавшейся на протяжении двух тысячелетий одним из величайших утерянных сокровищ – чашей Грааля.

...В течение двух лет, начиная с 1908 года, в Сирии было обнаружено четыре клада византийских серебряных предметов. Первый нашли в Стуме; он поступил в один из музеев Стамбула. В 1909 году британские археологи обнаружили еще одно собрание византийского серебра; оно находилось в частной собственности и его владелец весьма опасался, что клад будет конфискован у него властями. В 1910 году археологи нашли клад серебра в Хаме, а спустя еще несколько месяцев четвертый клад серебряных предметов был найден в Антиохии.

Какими только эпитетами не награждали в разные времена Антиохию! «Царица Востока», «Афины Востока», «вторая столица христианства», «град Божий». Во все времена своей истории этот город находился на самых оживленных торговых путях, привлекая неисчислимое множество всевозможных дельцов и искателей приключений. Но волею судьбы этот город в эпоху раннего средневековья стал не торговой метрополией, а одним из крупнейших религиозных центров мира.

В эпоху римского владычества Антиохия являлась третьим по величине городом империи (после Рима и Александрии). Ее население составляло более полумиллиона человек. Это был настоящий «Вавилон», город с невообразимым смешением рас, народов, обычаев, культов, верований. Здесь жили сирийцы, греки, македоняне, финикийцы, иудеи, римляне, персы и множество других народов – по традиции, заведенной основателем города Селевком, каждому приходящему сюда на жительство автоматически давались права гражданства.

Несмотря на то, что в Антиохии существовали широко известные школы философии, логики, риторики, где преподавали в них знаменитые софисты, город не принадлежал к числу сколько-нибудь значимых центров античной культуры – наоборот, его жители пользовались крайне дурной репутацией. Даже их римские современники отмечали, что антиохийцы питают чрезмерную склонность к удовольствиям. Ювенал, Тацит, Малала, Ливаний, характеризуя степень разложения жителей Антиохии, называли их «диким скопищем шутов,

шарлатанов, мимов, чудотворцев, колдунов, обманщиков и жрецов», «праздной и склонной к мятежам чернью», а саму Антиохию – городом «скачек, танцев, процессий, торжеств, вакханалий, безумной роскоши, вредных суеверий, фанатичных оргий и всех мыслимых и немыслимых видов разврата». Во времена Древнего Рима антиохийцы служили постоянным объектом для саркастических насмешек. И тем не менее, именно Антиохия стала второй столицей христианства.

Всемирная апостольская миссия началась с образования христианской общины в Антиохии. Здесь же за всеми, исповедующими Христа, закрепилось общее название – христиане. Об этом свидетельствует первый историк церкви, Св. евангелист Лука: «Потом Варнава пошел искать Савла и, нашед его, привел в Антиохию. Целый год собирались они в церкви и учили немалое число учеников, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами» (Деяния Апостольские, 11: 25–26).

После разгрома Иерусалима (70 г.) Антиохия стала главным центром христианства. Число последователей новой религии здесь настолько выросло, что к началу IV столетия полумиллионная Антиохия являлась фактически единственным в Римской империи христианским городом. Здесь были сооружены первые значительные по размерам церкви, к числу которых относились так называемая «Древняя» или «Апостольская» базилика – один из самых древних архитектурных памятников раннего христианства.

Со временем Антиохия стала центром патриархии, которая объединяла христиан обширных восточных провинций Римской империи и за ее пределами. В этот период Антиохию часто называли «Великой Антиохией». Император Константин Великий (306–337) в 327 году построил в городе один из самых больших и известных храмов эпохи раннего христианства, который он украсил настолько богато, что это привело в восторг современников. Этот храм вошел в историю под названием «Великой» или «Золотой» церкви и на многие столетия стал ставшая образцом для подражания.

Великий город стремительно начал приходить в упадок после катастрофического землетрясения 526 года. В 540 году Антиохия была захвачена и почти полностью разрушена персами. Императором Юстиниан (527–565 гг.) восстановил ее, но в намного меньших масштабах и дал городу новое имя – Теополис, «град Божий».

В августе 638 года Антиохия была захвачена арабами. Они видели в местных христианах союзников своих врагов-византийцев и долгое время подвергали их гонениям. В 969 году византийцы разбили арабов и вернули Антиохию в состав империи. Но к тому времени город уже утратил свое былое значение. В 1085 году, он был захвачен турками-сельджуками.

Сегодняшняя Антиохия носит названия Антакья. Это небольшой (20 тыс. жителей), практически новый город на юге Турции. От прежней густонаселенной столицы Востока уцелели мост, возведенный во времена правления римского императора Диоклетиана (III век н. э.), акведук, остатки римских храмов и театров, фрагменты крепостных стен VI столетия. Именно здесь, среди руин древнего города и был найден клад серебряных изделий, содержащий один удивительный предмет...

Обстоятельства находки клада до сих пор остаются не вполне ясными. Густав Эйзен в своей двухтомной работе «Великий кубок из Антиохии», вышедшей в 1923 году, сообщает, что сокровище обнаружили арабские рабочие в развалинах кафедрального собора византийской эпохи – знаменитой «Золотой» церкви. Рабочие разделили найденный клад между собой. Позднее весь комплект антиохийских сокровищ приобрела антикварная фирма братьев Кучакжи, имевшая свои представительства в Алеппо (Сирия), Париже и Нью-Йорке. Салим и Константин Кучакжи потратили два года на то, чтобы собрать воедино все сокровища, находившиеся в собственности различных владельцев. По окончании этой работы они отправили собранные предметы старины в Париж своему брату Джорджу, который нанял специалиста для очистки серебряных ценностей от слоя окисла. С началом Первой мировой

войны коллекцию серебряных предметов отправили в Нью-Йорк, где она могла находиться в полной безопасности; в Нью-Йорке жил еще один брат Кучакжи – Хабиб – со своим сыном Фахимом.

В числе предметов антиохийского клада был комплект из двух вставленных одна в другую чаш. Внутренняя чаша имеет удлиненную форму; ее край загнут над краем наружной чаши, поверхность которой покрывают фигурки людей и животных, а также изображения виноградных лоз. Наружная чаша имеет более широкое основание. Высота чаши составляет более 19 см, а ее наружный диаметр превышает 18 см.

Было совершенно ясно, что эта двойная чаша имела какое-то особое предназначение. Фахим Кучакжи обратился к шведскому ученому Густаву Эйзену с просьбой провести ее исследование. Эйзен самым тщательным образом изучил находку: он разделил чаши и исследовал их по отдельности, обратив особое внимание на их художественное оформление.

Внутренняя чаша разительно отличается от внешней: она очень проста и, в отличие от наружной чаши, не содержит никаких украшений. Ее характерная удлиненная форма присуща изделиям рубежа I в. до н. э. – I в. н. э.

Наружная чаша более поздняя и изготовлена совершенно другим мастером и в иной технике. На ней изображены двенадцать человеческих фигур. Вокруг них прихотливо переплетаются виноградные лозы со свисающими гроздьями винограда; здесь же представлены сидящие на насестах животные и различные предметы, которые могут быть интерпретированы как символы. Верхняя часть внутренней чаши загнута наружу, так что образует цепочку розеток.

Среди человеческих фигур Эйзен распознал два изображения Христа: в одном образе он представлен мальчиком, в другом – после своего Воскресения. Образ Христа-юноши простодушен и прекрасен; лицо воскресшего Христа спокойно и задумчиво. Выше и ниже его помещены голубь и орел: первый является символом Святого Духа, а второй – Римской империи. Вокруг воскресшего Христа на разных уровнях сидят апостолы: Петр, Иоанн Богослов и его брат Иаков, Марк, Андрей, Иуда, Иаков младший, Павел, Матфей и Лука. Высокое мастерство создателей этого шедевра обеспечили яркую индивидуальность, присущую каждому из изображенных апостолов.

Тщательно изучив человеческие фигуры, животных и предметы, изображенные на поверхности внешней чаши, Эйзен попытался их интерпретировать с использованием евангельских текстов и всех доступных ему источников по истории раннего христианства. Вывод ученого был однозначен: внутренняя чаша представляет собой «драгоценную реликвию, дошедшую до нас из самых ранних лет христианства» – знаменитую чашу Грааля! По мнению Эйзена, к которому позже присоединились и ряд других ученых, именно внутренняя чаша является той самой священной реликвией, связанной с именем Христа. А если это так, то эта находка имеет огромную ценность для всего человечества!

Антиохия, несомненно, является одним из мест, где могла находиться чаша Грааля, если только она когда-либо существовала. Однако, несмотря на довольно логичную систему доводов Эйзена, большинство ученых с сомнением отнеслось к его гипотезе. Самое уязвимое место в ней – отсутствие фактов. Ведь по каким-то особым причинам эта чаша могла быть просто сделана похожей на чашу Грааля. Или Эйзен просто пошел на поводу у Кучакжи, заинтересованного в том, чтобы привлечь внимание к находке и таким образом повысить ее ценность в глазах общественности.

Справедливости ради надо сказать, что чаша действительно привлекла к себе всеобщее внимание, а связь с ней легенды о Святом Граале значительно увеличила ценность находки. Известный банкир и филантроп Джон Морган выразил желание приобрести ее, однако умер в 1913 году прежде, чем соглашение о сделке было достигнуто. После этого

бесценное сокровище Кучакжи объехало всю Европу, где люди могли им полюбоваться, а по окончании путешествия оно было оставлено в хранилище банка на Уолл-стрит.

В 1950 году чаша была куплена Клойстерс – Музеем западного средневекового искусства в Нью-Йорке (этот музей является филиалом Нью-Йоркского музея искусств). Однако и здесь она не осталась без внимания публики, так как с чашей начали происходить удивительные вещи.

Наиболее примечательная история случилась в 1963 году. В Пасхальное воскресенье охранник музея и ночной сторож во время утреннего обхода стали свидетелями того, как стоявшая на полке чаша неожиданно... заколебалась, а затем внезапно поднялась на высоту около 7,5–8 см!

Чаша парила в воздухе на протяжении нескольких минут. Придя в себя, охранник бросился к телефону, и вскоре в музей примчался Томас Ховинг, помощник хранителя музея. Он осмотрел реликвию и предложил такое объяснение загадочному происшествию: между лампами, скрытыми внутри тумбы-основания и внутри витрины, была пластмассовая сетка, которая рассеивала лучи, шедшие от этих источников света. Система сигнализации была устроена таким образом, что в случае, если грабитель захотел бы вынуть чашу из витрины с того места, на котором она стояла, специальный ориентир принимал вертикальное положение, и в помещении главного офиса раздавался сигнал тревоги. Случилось так, что именно в тот момент пластмассовая сетка обрушилась, из-за чего чаша поднялась, а в помещении зазвучал тревожный сигнал. В результате поднятия ориентира в воздух поднялись также сетка вместе с чашей.

Случайное совпадение? Возможно. Однако охранников так и не удалось убедить в том, что левитация чаши могла произойти «по вине» системы сигнализации. В любом случае музей Клойстерс постарался как можно меньше афишировать этот случай.

Тайна, или, по крайней мере, неясность, связанная с происхождением Антиохийской чаши, продолжала волновать специалистов на протяжении долгого времени. Продолжают сохраняться и противоречия, связанные с назначением этого изделия: не все исследователи согласны с тем, что она действительно может являться церковной утварью, и предлагают другие объяснения. Однако, какие бы сомнения и противоречия ни оставались, невозможно отрицать то, что Антиохийская чаша – это великолепное произведение искусства, созданное в эпоху раннего христианства.

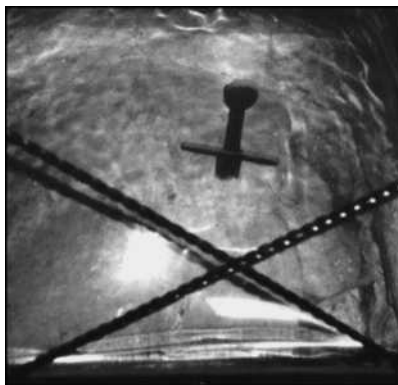
Меч Святого Гальгано

Местонахождение: аббатство Сан-Гальгано, область Тоскана, Италия

Вот уже без малого девятьсот лет гости старинного аббатства Сан-Гальгано, расположенного неподалеку от итальянского города Сиена, с безмерным удивлением взируют на главную здешнюю достопримечательность: средневековый рыцарский меч, вонзенный глубоко, по самую рукоять, в... каменный утес!

Долгое время в среде досужих обывателей бытовало мнение, что этот меч – лишь поздняя фальшивка, предназначенная для привлечения туристов и паломников. Однако всесторонние металлографические исследования, проведенные осенью 2001 года в университете города Павия, показали, что меч датируется XII столетием!

«Перед нами стояла очень трудная задача, но в итоге мы можем с уверенностью говорить, что химический состав металла, стиль и методы изготовления соответствуют той эпохе, – заявил руководитель исследований Луиджи Гарлачелли. —

Тем самым мы опровергли тех, кто утверждал, что этот меч – фальшивка недавнего происхождения».

Это заявление вызвало новую волну интереса к загадочному «мечу в камне». Что это за меч, каким образом восемь веков назад он смог пронзить скалу?

Старинная легенда связывает историю меча с рыцарем Гальгано Гвидотти (1148–1181), чей родовой замок располагался неподалеку от Сиены. Отличавшийся необузданным нравом, жестокостью и распушенностью, полный высокомерия и эгоизма, Гальгано являлся настоящим бичом здешних мест, и все окрестное население страдало от его выходок. Но в 1180 году произошла удивительная встреча: Гальгано явился архангел Михаил и указал ему путь к спасению души. Для этого Гальгано должен был поселиться в пещере и поститься. Потрясенный рыцарь выполнил это указание. Однако его родственники, недовольные внезапным постничеством недавнего удальца, стали ежедневно приходить к пещере и всячески пытаться вернуть его к прежней жизни. Раздосадованный Гальгано сел на лошадь, решив отдаться на волю Божию, и лошадь принесла его на вершину крутого холма Монте-Сиепи. Внезапно громкий голос повелел ему остановиться; на вершине холма, только что пустынного, Гальгано увидел круглый храм, а на его ступенях – Иисуса Христа и Деву Марию, окруженных апостолами. Гальгано застыл, ошеломленный; между тем видение исчезло. Однако голос с небес продолжал звучать. Он повелел рыцарю отказаться от мирских удовольствий и стать отшельником. Гальгано робко возразил, что для него это столь же трудно, как вонзить

меч в эту скалу. В доказательство своих слов он ударил мечом по скале, и... меч вошел в нее, как в масло. Лишь рукоять и несколько дюймов лезвия остались торчать снаружи.

Для Бога нет ничего невозможного. Поняв это, Гальгано остался жить отшельником на вершине Монте-Сиепи. Еще при жизни совершив несколько чудес, он умер год спустя и в 1185 году был канонизирован. Над его могилой на вершине Монте-Сиепи было выстроено цистерцианское аббатство, а над скалой с торчащим из нее мечом поднялся круглый храм – точь-в-точь такой, какой предстал перед Сан-Гальгано в его видении.

Тайна меча Сан-Гальгано давно привлекала к себе внимание исследователей. Некоторые историки-медиевисты обнаруживают параллели в легенде о Сан-Гальгано и знаменитом эпосе о короле Артуре. Известно, что королю Артуру, чтобы доказать свое королевское происхождение, пришлось выдернуть из скалы меч Эскалибур. Но во всей Европе в реальности есть только один меч в скале – это меч Сан-Гальгано! Интересно и другое: легенды аббатства утверждают, что любой, кто пытался вытащить этот меч из камня, лишался рук, так что если связать оба эти предания, перед королем Артуром и вправду стояла трудная задача...

В своей книге «Тайна Сан-Гальгано» итальянский исследователь Марио Моираги утверждает, что меч Сан-Гальгано в действительности является не чем иным, как знаменитым мечом легендарного короля Артура – Эскалибуром. Моираги уверен, что легенда о короле Артуре имеет итальянское происхождение, хотя традиционно считается, что ее родина – север Европы или Франция.

Результаты анализов показали, что меч Сан-Гальгано датируется XII веком. Первые же свидетельства об Эскалибуре появляются лишь несколькими десятками лет спустя. Самое раннее упоминание об Эскалибуре найдено в поэме «Персиваль» французского поэта Робера де Борона. По его версии, меч был воткнут в наковальню, стоявшую на вершине скалы. Широкое же распространение легенды о короле Артуре и его мече получили только в XIII столетии, когда история о мече Сан-Гальгано была известна уже повсюду в Европе.

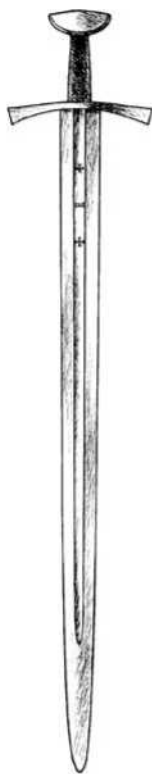
Марио Моираги отмечает, что в легендах о Сан-Гальгано есть ряд примечательных совпадений с преданиями о сэре Персевале, который нашел Святой Грааль. По мнению Моираги, это дает основания полагать, что именно жизнь святого Гальгано, рыцаря-отшельника, навеяла легенды о короле Артуре, а сам Гальгано стал прообразом сэра Персиваля.

Но если личность короля Артура продолжает оставаться легендарной, то меч Сан-Гальгано вполне материален, и увидеть его сегодня, как и сотни лет назад, может любой желающий. Только не надо забывать старинные легенды и пытаться вытащить меч из скалы.

Меч Святого Маврикия

Местонахождение: Музей истории искусств, Вена, Австрия; бывший Королевский Арсенал, Турин, Италия.

Небольшой швейцарский городок Сент-Морис-ан-Вале, расположенный на дороге, ведущей из Женевы в Рим, в римские времена носил название Агуанум. Он связан с одной из ранних легенд о христианских мучениках. Эта история была сохранена для нас Святым Эйхериусом, епископом Лионским (умер в 494 г. н. э.), написавшим труд «Passio martyrum A: aupensium». В нем он рассказал о событиях, произошедших почти за 200 лет до этого.

Во времена правления императоров Максимиана и Галерия в Верхнем Египте был сформирован римский легион, получивший название Фиванского – по названию древней столицы Верхнего Египта, Фивы.

В его рядах насчитывалось 6600 человек, большей частью уроженцев Египта и Нубии. Командовал легионом офицер по имени Маврикий, по-видимому – выходец из Нубии (во всяком случае, поздняя традиция неизменно изображает его чернокожим африканцем).

В 286 году император Максимиан включил Фиванский легион в состав римской армии, брошенной на подавление восстания багаудов в Галлии. После того как восстание было подавлено, Максимиан приказал в знак благодарности совершить человеческие жертвоприношения языческим богам. Вся армия должна была присоединиться к этим жертвоприношениям, а в качестве жертв предлагалось использовать пленных галлов, среди которых было много христиан. Фиванский легион, квартировавший в ту пору в Агуануме, в полном составе отказался подчиниться этому варварскому обряду (согласно преданию, легион сам целиком состоял из христиан). Максимиан был взбешен. Он приказал произвести в рядах мятежников децимацию (то есть каждый десятый воин должен был быть казнен). Этот приказ был испол-

нен, но тем не менее Фиванский легион во главе со своим командиром продолжал отказываться участвовать в языческих жертвоприношениях. Была произведена повторная децимация, но и это не помогло. Маврикий от имени всех воинов заявил императору: «Император, мы – твои слуги, но мы также и слуги истинного Бога. Мы несем военную службу и обязаны повиноваться тебе, но мы не можем отказываться от Того, кто наш Создатель и Властитель, даже при том, что ты отвергаешь Его. Во всем, что не противоречит Его закону, мы с величайшей охотой повинемся тебе, как мы это делали до настоящего времени. Мы с готовностью выступаем против твоих врагов, кем бы они ни были, но мы не можем обагрить наши руки кровью невинных людей. Мы присягнули Богу прежде, чем принесли присягу тебе».

Тогда разъяренный Максимиан приказал умертвить всех воинов Фиванского легиона без исключения. Никто из них не оказал сопротивления, не соблазнился доказать свою правоту силой. «Так дикой жестокостью тирана был сотворен великий сонм святых мучеников. Так был убит тот поистине ангельский легион мужей, которые, как мы в это верим, на небесах вместе с легионами ангелов славят Господа Бога нашего, всегда, ныне, и присно, и во веки веков», – заключает свой рассказ Эйхериус.

Спустя сто лет после этих событий останки мучеников были обнаружены и перезахоронены Святым Теодором, епископом Октодурума. В честь Маврикия и его воинов он построил в Агуануме базилику, руины которой можно видеть и сегодня. В следующем столетии епископ Эйхериус собрал множество рассказов о чудесах, связанных с мучениками, и, вероятно, в этом же веке Маврикий был канонизирован церковью. Маврикий стал популярным святым в южной Германии и северной Италии, в Средние века он являлся небесным заступником нескольких королевских династий, а позже – императоров Священной Римской империи. Короли, дворяне и князья церкви строили десятки церквей в его честь. В одной только Франции сегодня насчитывается более 650 храмов, посвященных Св. Маврикию, и более семидесяти населенных пунктов носят его имя. Король Сигизмунд Бургундский в 515 году пожертвовал церкви участок земли близ Агуанума для постройки монастыря в честь Св. Маврикия. В этом монастыре, который носит имя Св. Маврикия, до сих пор ежедневно совершается особая литургия в память воинов-мучеников.

Исследователи не раз пытались отыскать факты, способные подтвердить легенду о Святом Маврикии. В конце 1940-х годов в Сент-Морис-ан-Вале даже велись археологические раскопки. По мнению специалистов, изучавших различные версии легенды, епископ Эйхериус написал свой труд на основе более раннего устного предания, восходящего к епископу Теодору Октодурумскому, жившему за сто лет до Эйхериуса. Теодор, по-видимому, заимствовал это предание с христианского Востока, где также рассказывали о Святом Маврикии, римском офицере, принявшем мученическую смерть вместе со своими 70-ю воинами. Версия о том, что весь Фиванский легион якобы состоял из одних христиан и был в полном составе истреблен по приказу императора-язычника, не выдерживает никакой критики. По всей видимости, это преувеличение, призванное произвести впечатление на читателей. Вообще маловероятно, что в римских войсках могло служить сколько-нибудь значительное количество христиан, поскольку они подвергались преследованиям, и вряд ли кто из римских администраторов решился бы доверить им оружие, и уж тем более формировать из христиан отдельные воинские части.

Как бы то ни было, культ Святого Маврикия начиная с V–VI веков получил широкое распространение в Европе. В христианской традиции мученик обычно изображается вместе с инструментами казни, поэтому Святой Маврикий неизменно изображался с мечом – согласно преданию, римляне отсекли ему этим мечом голову. Приблизительно на рубеже X–XI веков наряду с мощами святого начинает почитаться и меч, с которым молва связывала мученичество Святого Маврикия. Сегодня известны целых два меча Святого Маврикия. Один хранится в императорской сокровищнице (Weltliche Schatzkammer) в Вене (Австрия),

другой – в Королевском Арсенале (Armeria Reale) в Турине (Италия). По однозначному заключению специалистов, оба меча созданы в эпоху Высокого Средневековья и, таким образом, не имеют никакого отношения к римскому воину, казненному в III веке. Это, однако, не снижает их художественной и исторической ценности – оба меча являются, пожалуй, наиболее яркими образцами средневекового рыцарского вооружения.

Меч Святого Маврикия, хранящийся в Вене, известен на протяжении едва ли не тысячи лет. Считается, что император Священной Римской (Германской) империи Генрих I (919–936) получил его (наряду со Священным копьем) от короля Рудольфа Бургундского в обмен на часть швейцарских земель. Более 800 лет меч Святого Маврикия служил коронационным мечом императоров Священной Римской империи, а позднее – австрийских императоров. В последний раз он использовался при коронации императора Карла в 1916 году.

Возраст меча остается предметом дискуссий. Сотрудники Венского музея истории искусств, в ведении которого находится бывшая императорская сокровищница, полагают, что он был сделан во Франции в конце XII столетия. Ряд независимых экспертов считают, что меч несколько старше, и датируют его 1050–1120 годами. В любом случае реальный возраст меча составляет по крайней мере восемь столетий.

На позолоченном навершии рукояти меча выгравированы герб Священной Римской империи, с одной стороны, и личный герб императора Оттона IV (умер в 1218 г.) – с другой. Последнее обстоятельство заставляет некоторых специалистов предполагать, что меч мог быть изготовлен по случаю коронации Оттона IV в 1198 году. Выгравированный на навершии герб императора Оттона инвертирован (обращен снизу вверх), что указывает на то, что во время церемоний меч несли острием вверх. В нижней части навершия выгравирована надпись «BENEDICTVS DOS DES MEVS QVI DOCET MANVS²».

На позолоченном перекрестье меча шириной 205 мм выгравирован другой девиз: «CHRISTUS VINCIT CHRISTUS REINAT» – на одной стороне, «CHRISTUS INPERAT» – на другой (правильное чтение – «IMPERAT»). Этот боевой клич времен Третьего Крестового похода переводится как «Христос побеждает, Христос царствует, Христос властвует». Нет, однако, оснований полагать, что этот меч использовался в Крестовых походах – по всей видимости, он вообще никогда не знал какого-либо иного применения, помимо церемониального.

На длинном и сравнительно тонком лезвии (его длина составляет 953 мм, ширина в основании – 43 мм) никаких надписей и знаков нет. Предполагается, что само лезвие может быть старше рукояти по крайней мере лет на пятьдесят, а то и сто, однако эта версия не бесспорна. Прекрасно сохранившиеся ножны меча представляют собой большую историческую редкость, поскольку большинство средневековых мечей дошли до наших дней без ножен. Специалисты полагают, что эти ножны были сделаны в Италии в последней четверти XI столетия – дополнительное свидетельство того, что и лезвие может иметь более раннюю дату, чем рукоять. Материалом для ножен послужило оливковое дерево. Их длина составляет 1010 мм – на 50 мм больше, чем длина лезвия. С обеих сторон изделие украшено чеканными золотыми накладками с изображением фигур в пышных облачениях и коронах – по-видимому, монархов. Эти фигуры обращены головами к наконечнику ножен, что указывает на то, что во время торжественных процессий вложенный в ножны меч несли острием вверх. В дополнение к накладкам, ножны щедро украшены красной, белой и синей эмалью.

Почему именно этот меч молва связывает с именем Святого Маврикия? На этот счет высказано немало гипотез, но все они небесспорны. Специалисты Венского музея истории искусств выяснили, что традиция, приписывающая этот меч Святому Маврикию, родилась

² Немного сокращенная запись воинского девиза: «Benedictus Dominus Deus meus, qui docet manus meas ad praelium». – «Благословен Господь Бог мой, научающий руки мои битве». (Пс. 143:1) – *Примеч. ред.*

не ранее XIV столетия. Причины этого неизвестны. Возможно, что когда-то меч хранился вместе с мощами Святого Маврикия и позднее стал прочно ассоциироваться с именем этого мученика.

Что касается второго меча, хранящегося в Турине, то его связь со Святым Маврикием более определена. Первоначально он хранился в историческом аббатстве Сент-Морис-ан-Вале, по преданию, построенном на месте казни Маврикия и его воинов. Наряду с мощами святого он являлся объектом почитания. Существовало даже поверье, что бесплодная женщина, прикоснувшаяся к мечу Святого Маврикия, в самом скором времени обретет способность к деторождению.

В 1591 году король Эммануил I Савойский перенес меч и часть мощей Святого Маврикия в Королевскую часовню в Турине. С 1858 года меч хранится в Королевском арсенале. Он до сих пор находится в прекрасном состоянии и выглядит так, как будто изготовлен только вчера. А между тем его возраст весьма почтенен! Только, увы, и этот меч не имеет никакого отношения к Святому Маврикию...

По единодушному мнению специалистов, меч изготовлен в первой половине XIII столетия. В отличие от своего тезки из Вены это очень простой меч без каких-либо украшений. В то же время, пожалуй, именно этот меч может дать исчерпывающее представление о том, чем в реальности являлось средневековое рыцарское оружие. Очевидно, что его владелец был большим, крепким и очень сильным человеком, могучим и внушающим страх бойцом, а мастер, изготовивший меч, – опытным профессионалом. Это не церемониальная безделушка, а настоящий боевой меч, предназначенный для кавалерийского боя, массивный, выглядящий несколько грубо и неуклюже, и в то же время завораживающий своей особой, магической красотой. Это – меч, и этим сказано все. Возможно, именно этот простой и суровый облик повлиял на то, что этот меч был когда-то избран в качестве меча древнего святого.

Полная длина меча составляет 105 см при длине клинка 91,7 см. Ширина лезвия в основании составляет 5,4 см, весит меч 1,34 килограмма. На лезвии чьей-то быстрой и верной рукой выгравированы знаки «Н + Н» и «+ Н +». Очевидно, что когда-то мечу пришлось соприкоснуться с чем-то твердым – близ острия хорошо заметна небольшая трещина. Это, однако, не след удара – скорее меч просто упал с большой высоты или пострадал иным образом, так как в этом же месте деформирована и оковка ножен. Лезвие тем не менее находится в таком замечательном состоянии, что даже сегодня им можно чинить карандаши. Рукоять меча сделана из дерева и обмотана тремя слоями льняной ткани, которая, в свою очередь, покрыта тонкой коричневой кожей или пергаментом. Так же просто и функционально, как сам меч, выглядят и ножны. Они изготовлены из двух деревянных планок, покрытых пергаментом, с простой железной оковкой.

До наших дней меч дошел в прекрасном состоянии; на протяжении нескольких веков он хранился в специальном футляре из темно-коричневой кожи, изготовленном в 1434–1438 годах. Очевидно, мастера, работавшие над футляром, были убеждены, что это именно меч Святого Маврикия. Об этом говорит изображение святого, украшающее футляр. Его дополняют гербы Савойи, Пьемонта и Генуи и надпись по-латыни: «O bone mauricii defende tui cor amici ut nunquam subici laqueis possit inimici». («О добрый Маврикий, защити сердце твоего друга, чтобы оно никогда не могло покориться козням врага»)

Легенда о Святом Маврикии, во многом недостоверная, как бы то ни было, донесла до наших дней сразу два великолепных произведения средневековых оружейников. И хотя оба этих меча в реальности не имеют никакого прямого отношения к раннехристианскому мученику, они тем не менее сохраняют значение исторических реликвий – в силу своего почтенного возраста, художественных достоинств, богатого прошлого. Ну и в силу традиции, наконец...

Кровь Святого Януария

Местонахождение: кафедральный собор, Неаполь, Италия

«На свете существует 126 черепов Иоанна Крестителя. Но подлинными из них можно считать только четыре», – с иронией сказал как-то один известный специалист по церковной археологии. Действительно, по всему свету разбросаны сотни городов и церквей, гордящихся «священными реликвиями» того или иного рода. И почти каждый раз после проведения исследований оказывалось, что поводов для гордости, собственно-то говоря, и нет: большинство этих реликвий в лучшем случае – легенда, в худшем – просто подделки. И лишь очень немногие действительно представляют собой феномен, сталкиваясь с которым ученые в недоумении разводят руками.

В XVI–XVII веках во многих странах Европы была популярна практика извлечения крови из тел умерших людей, прославившихся своей святой жизнью. Иногда ее извлекали спустя несколько часов, дней и даже лет после смерти. Обычно для этого просто вскрывали вену умершего. Согласно утверждениям ряда свидетелей, перед извлечением крови на лбу умершего появлялась испарина и от тела начинал исходить приятный запах. Иногда из сделанного разреза изливалось такое большое количество крови, что ею оказывались запачканы одежды свидетелей; эти одежды в дальнейшем хранились как святыни. В одном из ряда вон выходящем случае в Италии в 1750 году тело святого было эксгумировано почти через четыре года после его смерти. Свидетель этого события писал о том удивлении, которое он испытал, увидев его «нетронутое, гибкое и прекрасное тело, как будто он умер совсем недавно». Столь же удивительным является и то, что произошло далее: из разреза, сделанного на теле умершего четыре (!) года назад человека, хлынула яркая кровь.

Подобным чудесам имеется немало свидетелей. Интересно заметить также, что демонстрация крови, хранимой в качестве реликвии в дни празднования дня того или иного святого, неоднократно сопровождалась ее переходом в жидкое состояние. В числе реликвий подобного рода наиболее известной является кровь Святого Януария (Сан Дженнаро).

Об этом человеке известно очень немного. Мы не знаем ни его происхождения, ни того, где он провел свои детские и юношеские годы, ни как он выглядел. Известно лишь, что он жил в Италии, посвятил себя службе Богу и умер в 305 году мученической смертью.

Януарий был епископом в городе Бевентуме (теперь Бевенто) во времена жестоких преследований христиан, развернутых при императоре Диоклетиане. В числе жертв этих преследований оказался и епископ Януарий. Он мужественно отказался отречься от Христа и был обезглавлен. Согласно некоторым источникам, его тело было перевезено в Неаполь (город, позднее избравший его своим святым патроном), где из него было извлечено

несколько граммов крови. Помещенная в небольшой стеклянный флакончик, она до сих пор хранится в кафедральном соборе Неаполя.

С этой реликвией связано одно удивительное обстоятельство: обычно высохшая и твердая, кровь Святого Януария ежегодно в одно и то же время превращается в жидкость. И это чудо имеет долгую, документально подтвержденную историю.

В обычном состоянии кровь во флакончике твердая и темная. В жидком состоянии ее цвет меняется от пурпурного до ярко-красного. Кровь переходит в жидкое состояние восемнадцать раз в год: в день Святого Януария, отмечаемый в сентябре, а также в течение следующих семи дней; 16 декабря; в первую субботу мая и в последующие за ней восемь дней. Все документальные свидетельства, подтверждающие историю реликвии, показывают, что непосредственной связи между воздействием на кровь тепла и света и ее превращением в жидкое состояние не существует: сухая кровь может стать жидкой и в декабре, когда солнце стоит низко, а температура воздуха в Неаполе снижается до нуля, а в жаркие летние дни она, наоборот, остается в твердом состоянии. Превращение крови из твердого состояния в жидкое не всегда происходило в положенное время, иногда оно случалось чуть раньше или позже.

Полное отсутствие такого превращения традиционно считалось предвестником катастрофы или несчастья.

Эта кровь обладает также еще несколькими любопытными свойствами. В твердом состоянии ее объем и вес могут значительно изменяться, а с превращением в жидкое состояние связаны некоторые необъяснимые пока явления. Ученый-теолог Герберт Тарстон писал: «Установлено, хотя я пока еще не встретил ни одного достаточно убедительного доказательства данного факта, что в момент, когда кровь из твердого состояния превращается в жидкое, каменная плита в Поццуоли, как предполагается, связывается со святым мучеником, краснеет и становится влажной».

Тем, кто скептически относится к «чудесам», не следует забывать о том, что кровь Святого Януария обладает определенными свойствами, наблюдаемыми, подтвержденными и зарегистрированными в ряде документов не только верующими, но и вполне компетентными наблюдателями. Современная наука, вероятно, могла бы отчасти пролить свет на загадку, однако церковь пока не давала разрешения на исследования. Возможно, тайна этой реликвии когда-либо будет раскрыта. А пока, как и сотни лет назад, необъяснимое поведение темного вещества, находящегося в маленьком стеклянном пузырьке, заставляет людей верить в чудо.

Сиенская дарохранительница

Местонахождение: кафедральный собор, Сиена, Италия

Итальянский город Сиена, раскинувшийся на холмах Тосканы, известен во всем мире не только прекрасной средневековой архитектурой и площадью Пьяцца дель Кампо, но и чудом, непрестанно продолжающимся с 1730 года.

Эта необычайная история началась вечером 14 августа 1730 года накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы. Все жители Сиены собрались в кафедральном соборе, чтобы торжественно отслужить вечерню. Другие церкви в городе были закрыты. Этим воспользовались воры, которые проникли в базилику Св. Франциска. В поисках ценных вещей они выломали дверцы дарохранительницы и забрали серебряный киворий, полный освященных гостий – облаток из пресной муки, используемых для причастия.

По канонам христианской религии, которых придерживаются все без исключения христианские конфессии, освященные во время литургии хлеб и вино силой Духа Святого пресуществляются в Тело и Кровь Христа; под видом хлеба таинственным образом присутствует сам Иисус Христос. Все христиане получают во время причастия «хлеб небесный» и «чашу спасения» в память о Христе, отдавшем свое Тело и Кровь ради спасения всего мира. Со времен первых апостолов в первый день недели, то есть в день Воскресения Иисуса Христа, христианские общины собираются вместе для «преломления хлеба», как заповедал Христос. Это таинство – Евхаристия – является источником и вершиной церковной жизни.

Можно понять чувства жителей Сиены, когда известие о святотатстве распространилось по городу. Власти отдали приказ во что бы то ни стало отыскать воров. На следующий день один из жителей нашел покров с украденного кивория, а еще через два дня клирик святилища Матери Божией в Провенцано заметил, что в ящике для пожертвований, стоящем возле него, полно принесенных откуда-то белых гостий. В присутствии настоятеля храма

ящик был вскрыт; в нем оказались 348 целых и 6 половинок гостий, все до одной грязные и покрытые паутиной.

О случившемся был оповещен сиенский архиепископ А. Джондадари, который незамедлительно прибыл в Провенцано, чтобы установить, действительно ли это были гостии, украденные из церкви Св. Франциска: ведь на хлебе для причастия еще при выпечке ставят определенные знаки. Это были именно они!

На следующий день архиепископ А. Джондадари во главе торжественной процессии, в которой приняло участие около 3000 жителей с факелами и крестами, перенес обретенные гостии – напомним, в глазах верующих это был не просто хлеб, но Тело Христово – в базилику Св. Франциска. Наплыв верующих из окрестных деревень и городков был таким большим, что гостии целыми днями были выставлены для публичного поклонения. Люди с верой и любовью стремились умиловить Бога за совершенное святотатство. Более 100 гостий было использовано для причастия. Остальные было решено использовать в традиционном обряде поклонения Святым Дарам.

Проходили месяцы и годы. Все с большим изумлением констатировали, что гостии не проявляют ни малейших признаков старения и сохраняют поразительную свежесть и приятный запах. Их первое официальное освидетельствование совершил 14 апреля 1780 года Карло Випера, генерал ордена францисканцев. В своем декрете он извещал: «Факт сохранения святых гостий в абсолютной свежести на протяжении 50 лет мы признали настоящим чудом».

Следующее освидетельствование состоялось 9 февраля 1789 года и было осуществлено архиепископом Тиберио Боргезе. В его отчете написано следующее: «Как я сам, так и сопровождающие меня лица, с помощью лупы скрупулезно осмотрели гостии. Мы подтверждаем их необычайную свежесть». Архиепископ даже провел специальный эксперимент, оставив на 10 лет неосвященные гостии в опечатанном кивории рядом с освященными гостиями. Когда через 10 лет этот киворий был в присутствии специальной комиссии открыт, оказалось, что от неосвященных гостий остался лишь темно-желтый порошок. Комиссия, возглавляемая епископом, отметила, что этот факт еще больше подтверждает непрестанно продолжающееся с 1730 года чудо.

Подобных освидетельствований и исследований в последующие годы было множество. В 1914 году по поручению папы Пия X сиенским феноменом занималась группа ученых из Сиены и Пизы во главе с известным химиком, профессором Сиро Гримальди. В сухих строках отчета об этом исследовании говорится, что гостии изготовлены из пресной пшеничной муки, которая сохранилась в идеальном состоянии. Тесты показали нормальное содержание крахмала. И далее: «Идеальное сохранение святых частиц неферментированного хлеба является исключительным явлением, которое опровергает естественные законы сохранения органической материи. Это – уникальный факт в анналах науки».

До сегодняшнего дня 223 гостии, освященные в 1730 году, сохраняют запах пресного хлеба, оставаясь неповрежденными и блестящими, как будто выпечены несколько дней назад, не поддаваясь даже в малейшей степени процессам разложения. Верующие убеждены, что это – знак, данный для укрепления веры в присутствие Воскресшего Христа в Евхаристии. Этим чудом Иисус Христос словно стремится показать всем людям, что Евхаристия – это Он сам, действительно присутствующий в своем воскресшем Телe.

17 числа каждого месяца дарохранительница с чудесными гостиями выставляется для публичного поклонения, а в ежегодный праздник Пресвятого Тела и Крови Христа ее проносят по улицам Сиены в процессии, в которой участвуют тысячи верующих.

Загадка образа Девы Марии Гваделупской

Местонахождение: базилика Пресвятой Девы Гваделупской, Мехико, Мексика

Трудно подобрать правильные слова, чтобы объяснить, чем для мексиканцев является Пресвятая Дева Гваделупская. Это – краеугольный камень Мексики, ее национальная гордость, символ этнической и культурной идентичности мексиканцев, объединяющий людей различных рас, языков и даже религий. Она – Мать всех мексиканцев. Ее лик реял на знаменах освободительных армий Идальго и Морелоса, сражавшихся за свободу Мексики. Ее образ можно видеть повсюду – в бедных индейских хижинах и аристократических особняках, висящим на истрепанной тесемке на груди у крестьянок и на золотой цепочке – у студенток столичного университета, на ветровых стеклах запыленных грузовиков и на массивных серебряных брелоках от ключей роскошных «кадиллаков». Если в доме случилась большая радость, то хозяин или хозяйка в благодарность первым делом затеплят свечу перед образом Пресвятой Девы Гваделупской. А в дни самого беспросветного отчаяния зажженные перед ее образом свечи сияют огоньками надежды...

История нерукотворного образа связана с явлением Девы Марии 17-летнему крестьянину-индейцу Хуану Диего. В субботу 9 декабря 1531 года он шел из Теночтитлана (Мехико) в Тлателолько и на вершине холма Тепейяк неожиданно встретил прекрасную женщину, окруженную облаком света. Ее одежды сияли подобно солнцу. Она обратилась к индейцу на его родном языке:

«Мой дорогой сын, я люблю тебя и твоих братьев. Я хочу, чтобы вы знали, кто я. Я – дева Мария, Мать истинного Бога. Я хочу, чтобы вы построили церковь на этом месте, где ты и твои братья смогут почувствовать мое сострадание к вам. Все те, кто искренне попросят моей помощи в работе и в преодолении мук, получают ее здесь, на этом месте.

Здесь я буду видеть их слезы и буду утешать их, и они пребудут в мире. А теперь иди в Теночтитлан и расскажи епископу все, что ты видел и слышал».

Хуан Диего вернулся в Теночтитлан, явился к дворцу епископа Хуана де Сумарраги и потребовал, чтобы его немедленно пропустили к его преосвященству для личной встречи. Слуги епископа с большим сомнением оглядели бедного крестьянина и продержали его в передней несколько часов, раздумывая, стоит ли вообще пропускать этого оборванца. Нако-

нец, епископ Сумаррага все-таки принял и выслушал его. К разочарованию юного индейца, епископ сказал лишь, что рассмотрит его просьбу и что Хуан Диего может прийти к нему еще раз, если захочет. Не зная, как убедить епископа, растерянный индеец пошел к холму Тепейяк и неожиданно для себя снова увидел Пресвятую Деву. Он рассказал ей о своем неудачном походе и робко предположил, что, наверное, было бы лучше, если к архиепископу пошел кто-нибудь другой. «Я могла бы послать к нему многих, – отвечала Дева, – «Но ты – тот, кого я избрала». Она велела Хуану Диего на следующий день снова пойти к епископу и повторить просьбу.

В воскресенье, после нового долгого многочасового ожидания, Хуан Диего предстал перед епископом. Выслушав индейца, епископ попросил, чтобы Дева Мария – раз Хуан Диего убежден в том, что это именно она – каким-либо знамением подтвердила это.

Хуан покорно вернулся к холму Тепейяк и снова увидел таинственную женщину. «Я дам такое знамение, – сказала она. – Жду тебя на этом месте завтра».

Когда Хуан Диего снова пришел на холм Тепейяк, то увидел расцветший на бесплодной скале пышный куст кастильских роз. Рядом с ним стояла Пресвятая Дева. «Вот мое знамение, которое я посылаю епископу, – сказала она – Возьми эти розы, заверни в свой плащ и отнеси ему. На этот раз он поверит тебе». И когда Хуан Диего предстал перед епископом и его советниками и развернул свой плащ, то все упали на колени: на плаще чудесным образом оказался запечатленным нерукотворный лик Пресвятой Девы – точно такой, каким его видел юный индеец...

Образ Пресвятой Девы Гваделупской вот уже пятое столетие хранится в алтарной части специально построенной для этого базилики, которая является вторым по популярности местом паломничества в католическом мире (после Ватикана). Ежечасно перед образом проходит 15 тысяч человек. А индеец Хуан Диего, канонизированный 31 июня 2002 года папой Иоанном Павлом II, стал небесным покровителем санктуария Девы Марии Гваделупской.

Научный интерес к нерукотворному образу возник еще в XVIII столетии. Загадкой было и остается то, каким образом столь детализированное и точное изображение могло быть выполнено на таком грубоволокнистом материале. Более того: шли века, а изображение не нуждалось ни в какой реставрации! Известный мексиканский художник Мигель Кабрера в 1753 году писал, что на протяжении двух лет не менее пятисот раз лично наблюдал, как паломники касались образа руками или различными предметами. Любая другая икона, созданная человеческими руками, давно бы почернела, потребовала реставрации, а то и просто пришла бы в ветхость. Но на чудесном образе из Гваделупы это не сказалось никак...

За истекшие четыре с половиной века образ Пресвятой Девы Гваделупской осматривался и изучался множеством ученых и мастеров живописи. Систематические исследования нерукотворного образа начались в 1948 году и ведутся уже на протяжении полувека. За это время он был подвергнут самым тщательным лабораторным анализам, большинство из которых затем неоднократно делались повторно. При этом, как и в случае с Туринской плащаницей, всякий раз использовались самые современные технические средства.

В 1976 году, после многолетних исследований, мексиканские ученые Эрнесто Соди Пальярес и Роберто Паласиос пришли к заключению: полотно, на котором запечатлен образ Девы Марии, соткано из кактусовых волокон. Этот материал очень недолговечен и подвержен быстрому разрушению. Максимальный срок существования такого материала – два-три десятилетия. Тот факт, что полотно с образом Девы Марии сохраняется на протяжении уже 470 лет и никаких признаков гниения или распада на нем нет, с научной точки зрения необъясним. К этому следует добавить, что первое время – более двухсот лет! – образ находился в алтаре базилики без каких-либо защитных покрытий – стекла, оклада и т. п., в копоты сотен

свеч, в дыму кадил. Перед ним ежедневно проходили сотни паломников, на него воздействовали естественные атмосферные процессы (церковь все-таки не герметичная конструкция). И все это не оставило на нем ни малейших следов! Более того: результаты научных исследований показали, что материал, на котором запечатлен образ Девы Марии, по необъяснимым причинам не покрывается пылью, не подвержен влиянию влаги и гнилостных бактерий, воздействию насекомых и грибов.

В 1977 году образ Пресвятой Девы Гваделупской был тщательно исследован американскими и немецкими учеными. В их числе был и Нобелевский лауреат, профессор химии из Гейдельберга Рихард Кун. Исследования велись с помощью новейших методов, включавших фотографирование в инфракрасных лучах. Результаты этих исследований заставили задуматься даже закоренелых скептиков: они показали, что образ не мог быть создан человеческой рукой, так как на полотне отсутствуют какие-либо следы грунтовки, разметки, предварительных набросков и т. д., и вообще сам метод, каким этот образ создан, современной науке неизвестен. Исследователи в один голос утверждают, что на полотне нет следов кисти живописца. Ученых поразило и отсутствие каких бы то ни было пигментов естественного происхождения – минерального, животного или растительного. Но синтетических пигментов тоже нет, а кроме того, синтетических красителей в 1531 году и не знали! Установлено, что каждый оттенок изображения представляет собой химическое соединение, молекулы которого непосредственно связаны с тканью. Там, где их нет, нет и цвета, а значит, и изображения.

Факт абсолютной сохранности полотна и красок неизменно поражает всех специалистов, когда-либо бравшихся за изучение образа. Профессор Филип Каллахэн из университета штата Флорида (США), исследовавший чудесный образ в 1979 году, пишет в своем отчете: «Если только одна горящая перед образом свеча выделяет 600 микроватт энергии, то в замкнутом помещении, при сотнях горящих свечей и тысячах приходящих паломников образуется такая агрессивная среда, что в самое короткое время должно было произойти выцветание красок образа, вплоть до его полной гибели... Однако образ Девы Марии Гваделупской обладает удивительной устойчивостью ко всем воздействиям подобного рода». Ф. Каллахэн и его коллега Джоди Б. Смит изучали образ Девы Марии в инфракрасных лучах. Они обнаружили, что при изменении угла наблюдения цвета образа меняются. Это явление известно как иридесценция, и оно не может быть воспроизведено искусственным путем – то есть образ Девы Марии не может быть рукотворным!

А вот еще одна загадка. Реставраторы, работавшие над восстановлением рамы, в которую заключен образ (рама, в отличие от него, вполне рукотворная), случайно пролили на полотно едкую кислоту. И. «На том месте образа, где попала кислота, некоторое время было видно пятно, однако реактив не нанес образу ни малейшего повреждения. Постепенно пятно исчезло», – клянутся реставраторы.

Вывод исследователей однозначен: все, связанное с образом Пресвятой Девы Гваделупской, не поддается объяснению с точки зрения современной науки. Способ создания образа остается необъяснимой загадкой. Уже упоминавшийся доктор Филип Каллахэн утверждает, что образ не может быть создан рукой человека.

Отметим, что одно из необходимых условий признания феномена реально существующим явлением – повторяемость и воспроизводимость эксперимента – в случае с образом Девы Марии Гваделупской присутствует и многократно подтверждено.

Таким образом, научные исследования последних лет подтвердили то, что верующие знали с самого первого момента: образ Девы Марии Гваделупской не является произведением человеческих рук. «Феномен образа остается непонятным для науки» – говорит настоятель санктуария Девы Марии Гваделупской прелат Диего Монрой Понсе. – К нам приезжали ученые из Австралии и Германии, были даже специалисты из НАСА. Всякий раз оказыва-

лось, что образ, несмотря на свой почтенный возраст, не имеет никаких повреждений, хотя материал, на котором он выполнен – волокно кактуса-айяте, – разлагается через несколько десятков лет после изготовления. До наших дней вообще не сохранилось ни одного образца подобной ткани, изготовленной в XVI веке».

Атеисты и материалисты эту загадку вообще предпочитают тщательно замалчивать: неоспоримые факты, многократно подтвержденные столь любимой ими наукой, слишком больно бьют по человеку, произошедшему от обезьяны. Те же из скептиков, кому приходится вплотную столкнуться с тайной образа Девы Марии Гваделупской, как правило, быстро утрачивают свой скептицизм и становятся едва ли не самыми страстными «гуаделупанос». Примеров тому сотни. Так, мексиканский архитектор Рамирес Васкес, которому в 1975 году было поручено строительство новой базилики Пресвятой Девы Гваделупской, получил разрешение на тщательное изучение образа. Результаты этого «личного знакомства» были для него шокирующими. Испытав сильнейшую интеллектуальную и духовную встряску, архитектор отказался от своего прежнего агностицизма и стал ревностным христианином.

Но то, что превратило христианскую реликвию в настоящую сенсацию последних лет, оказалось запечатленным в глазах Богоматери.

Глаза Девы Марии Гваделупской обладают необыкновенной глубиной. Они выглядят как глаза живого человека. Исследования последних лет позволили даже выявить маленькие сосуды-капилляры на веках, были идентифицированы и следы микроартериальной циркуляции крови на периферии левого глаза Богоматери. С помощью новейшей техники ученым удалось также обнаружить в глазах Девы Гваделупской явление так называемой рефлексии, которое можно наблюдать только у живых людей и которое невозможно создать при помощи даже самых изощренных, наисовременнейших методов живописи.

А в 1929 году штатный фотограф базилики Альфонсо Марке обнаружил в правом глазу Девы... ясное изображение бородатого мужчины. Сперва он не поверил собственным глазам: «Как такое может быть?» Однако, изучив многие другие снимки, он убедился, что зрение его не подводит, и известил о своем открытии администрацию базилики. Ему, однако, не поверили. Бедняге фотографу даже сильно досталось от начальства. Марке запретили даже думать об этом, а не то что рассказывать о своем открытии. Он подчинился. Но двадцать лет спустя, 29 мая 1951 года, один из ученых, занимавшихся исследованием образа, Хосе Карлос Салинас Чавес, также изучая фотографии образа (гораздо более лучшего качества), сделал точно такое же открытие! Он ясно различил изображение бородатого мужчины в правом глазу и несколько более худшее – в левом.

Открытием заинтересовались офтальмологи и физики. Группу из 20 специалистов возглавил известный в ту пору врач-окулист доктор Хавьер Торроэлья Буэно. Ученые тщательно исследовали не только фотографии, но и сам образ. Результаты были обнародованы 27 марта 1956 года. В своем отчете исследователи писали, что им удалось выявить в глазах образа Девы Марии присутствие тройного отражения (явление Пуркинье-Сансона), характерное для глаз любого живого человека. Эти отражения находятся точно там, где им и положено быть согласно с упомянутым явлением, а деформация этих образов соответствует преломлению роговицы.

В том же году доктор-офтальмолог Рафаэль Торриха Лавуанье исследовал глаза Девы Марии во всех деталях офтальмоскопом. Он заметил, что изображения людей появились на роговице глаз именно там, где и должны были появиться соответственно восприятию нормального человеческого глаза. Офтальмологи провели и множество других исследований. Все они подтвердили первоначальные выводы.

На протяжении последних двадцати лет исследованием образа Девы Марии занимается живущий в Мексике перуанский ученый Хосе Асте Тонсманн, доктор информатики. В 1979 году он занимался обработкой микроскопических изображений на компью-

тере. Четыре года спустя его пригласили участвовать в исследованиях образа Гваделупской Божьей Матери, проводимых Центром Гваделупских исследований (Centro de Estudios Guadalupanos) в Мехико. «В ту пору я узнал, что за 60 лет до этого некий фотограф открыл какой-то удивительный образ в зрачках Богоматери, – рассказывает Тонсманн. – Мне также стали известны результаты исследований Хосе Карлоса Салинаса, который в 1951 году при помощи простого увеличительного стекла пытался рассмотреть эти изображения. Я же предполагал компьютерной техникой, поэтому немедленно приступил к рассчитанным на долгое время работам».

Изучая образ, Тонсманн впервые использовал метод цифровой обработки изображений, использовавшийся до этого только в космических исследованиях. Исследования продвигались крайне медленно, каждый эксперимент длился месяцами. Только в начале 2001 года Хосе Асте Тонсманн опубликовал результаты своих двадцатилетних работ. Его выводы повергли научную общественность в шок.

Образ Девы Гваделупской имеет размеры 145 на 105 см, а зрачки глаз – диаметр около 7 мм. Тонсманн увеличил размер зрачков в 2500 раз. «Таким образом мне удалось обнаружить нечто крайне поразительное: в правом зрачке я уверенно различил изображение сидящего индейца».

Второй образ, который распознал исследователь, было изображение индейца Хуана Диего. Потом он обнаружил лик пожилого мужчины. «Сначала я не мог понять, кого могло представлять это изображение. Однако вскоре мне попала на глаза картина известного художника Мигеля Кабреры, где я увидел очень похожее лицо. Это был портрет епископа Сумарраги». Затем исследователь распознал двух мужчин, один из которых имеет густую бороду. Оба смотрят на Хуана Диего, который разворачивает свой плащ.

Следующее открытие повергло ученого в полное ошеломление. «Очередным открытием было распознавание фигуры женщины, которая имела явно негритянский облик. Мне показалось, однако, что это какие-то мои заморочки. Негритянка в Мексике в 1531 году? Этого не могло быть. Но тут мне на помощь пришли историки. Оказалось, что в завещании епископа Сумарраги имеется упоминание о том, что он дарует свободу принадлежавшей ему семье негров-рабов».

Всего в левом зрачке глаза Девы Марии исследователю удалось распознать 12 фигур. Все они разного размера, так как запечатлелись в перспективе – так, как если бы изображение было фотографией того, что видела Дева Мария. Впрочем, все фигуры действительно запечатлены с фотографической точностью, и Тонсманн даже сумел идентифицировать некоторых из этих людей.

Сцена соответствует тому моменту, когда Хуан Диего разворачивал свой плащ с отпечатавшимся на нем образом Девы Марии перед епископом Сумаррагой. Кроме Диего, в группе фигур исследователь различает сидящего индейца, поднявшего глаза к небу, – скорее всего, это слуга епископа Сумарраги. Стоящий в профиль полноватый пожилой мужчина с белой бородой – это сам епископ, его облик весьма похож на портрет Сумарраги, написанный художником Мигелем

Кабрерой. Молодой мужчина, стоящий рядом с ним, – по всей видимости, переводчик Хуан Гонсалес. В сцене присутствуют и темнокожая женщина – вероятно, негритянка-рабыня, и мужчина явно испанского происхождения, с задумчивым взглядом поглаживающий бороду.

Одним из аргументов в пользу того, что наличие обнаруженных в зрачках изображений не может быть объяснено ни одним рациональным способом, являются размеры деталей. Эти микроскопические изображения не могли быть выполнены человеческой рукой, даже в наше время такая задача была бы трудновыполнима. Так, в ухе индейца хорошо видна серьга. Ее толщина меньше, чем человеческий волос. Среди других подобных микроскопических

деталей – слезы волнения на лицах, завязки сандалий сидящего на земле индейца, четко очерченный профиль этого же индейца с орлиным носом, у «испанца» – борода и усы, прилегающие к щекам, и т. д. Эта детализация необъяснима с точки зрения техники живописи: зачем она нужна, если любая икона рассчитана на восприятие ее издали, а невооруженным глазом все равно ничего нельзя различить? Если предположить, что образ создавался человеком, то этого человека следует признать необычайно талантливым идиотом, неизвестно с какой целью кропотливо прорисовывавшим микроскопические детали изображения чуть ли не до атомарного уровня. Впрочем, мы уже говорили, что на образе Девы Марии Гваделупской нет следов работы кистью и он создан не с помощью красок, а необыкновенная, сверхъестественная детализация изображения исключает саму возможность того, что образ мог создать человек. Все результаты научных исследований свидетельствуют об этом. В мире нет больше ни одной картины и даже ни одной фотографии с подобной степенью точности и детализации.

Когда Тонсманн увеличил изображение левого глаза Богоматери, то оказалось, что в его зрачке имеются точно такие же фигуры, что и в правом, однако находящиеся под другим углом зрения и с иными пропорциями, что объясняется оптическим эффектом при отражении противостоящего объекта. Но на этом открытия Тонсмана не закончились.

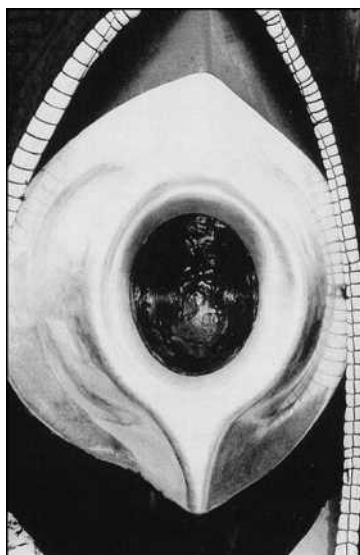
В центре зрачков Тонсманн выявил еще более мелкую группу фигур, не связанных с первой. Это индейская семья – муж, жена и несколько детей. Самого маленького ребенка женщина несет на плечах – так, как это было принято у мексиканских индейцев в XVI столетии. Доктор Тонсманн видит в этом открытии своеобразный знак, данный Пресвятой Девой, ее послание адресовано нам, людям нынешней эпохи.

«Нельзя не удивляться тому, что эти микроскопические изображения оставались в неизвестности почти 500 лет, прежде чем современная техника не позволила их распознать, – говорит Тонсманн. – Это свидетельствует только о том, что послание Девы Марии ждало своего часа. Образ семейства служит для нас напоминанием о том, какое огромное, непреходящее значение имеет семья. Это особенно актуально в наше время, когда этот важнейший общественный институт пытаются отпихнуть все дальше и дальше на задний план». Не напрасно один из титулов Девы Марии Гваделупской звучит как «Покровительница детей, которым предстоит родиться». Исследователь полагает, что образ семьи в зрачках Девы Гваделупской духовно связан с нашим антигуманным и материалистическим временем, которое серьезно угрожает нравственному облику человечества, и в первую очередь семейным устоям.

«Чёрный камень» Каабы

Местонахождение: мечеть Харам бейт-Уллах, Мекка, Саудовская Аравия

«Чёрный камень» Каабы – одна из древнейших реликвий в мире (возможно, он появился даже до сотворения человека на Земле). По преданию, он упал с небес; Бог ниспослал его Адаму и Еве в знак прощения и примирения. Считается, что он представляет собой копию камня, находящегося в небесном святилище Эль-Бейтул Мамур, непосредственно под тронем Аллаха. Вокруг Эль-Бейтул Мамур водили хороводы ангелы, они пели псалмы и совершали молитвенные обряды, славя единого Бога и поклоняясь Ему. Аллах пожелал, чтобы у живущих на Земле людей была такая же святыня для поклонения Ему, и Он вручил Адаму блестящий белый камень, чтобы тот принес его на Землю из рая и установил в Каабе; именно Каабу Аллах решил сделать местом всеобщего поклонения Ему мусульман. Камень назвали аль-Худжр аль-Асвад, что означало «самый счастливый», так как именно он был выбран из множества других небесных камней.

Взяв аль-Худжр аль-Асвад в руки, Адам спустился из рая на землю. По преданию, это произошло на острове Шри-Ланка (Цейлон) – здесь до сих пор известна гора под названием Адамов пик, на вершину которой совершают паломничества тысячи верующих. Аллах указал Адаму путь в Мекку – место, расположенное на земле непосредственно под Его небесным тронем. На этом месте Адам положил белый камень и возвел над ним первое святилище Каабы – аль-Байт аль-Харам, Священный дом. Оно стало первым храмом на Земле, посвященным единому Богу.

Населявшие Землю люди проявляли глубочайшее уважение к небесному камню; свое почитание они выражали целованием и прикосновением к нему. Кроме того, они приносили вблизи стен священного храма в жертву овец, коров и других животных. Впоследствии, рассказывает предание, белый камень почернел от людских грехов.

Во время Всемирного потопа храм Каабы был сильно поврежден, и камень был волей Божьей перемещен в более безопасное место. Святилище Каабы было возобновлено праотцом Авраамом (арабы называют его Ибрахимом).

История Ибрахима в исламской традиции отличается от той, которая изложена в Библии. Ибрахим-Авраам жил со своей бездетной женой Саррой и второй женой, египтянкой Агарью (по-арабски – Хаджарой). Однажды Ибрахиму приснилось, что Бог пожелал, чтобы

он принес в жертву своего сына Исмаила. Ибрахим рассказал об этом Исмаилу, и мальчик согласился с Божьей волей. Некий странник, под обличем которого скрывался сатана, пытался разубедить Ибрахима, но безуспешно. Тогда сатана принялся искушать Хаджару, но и это ему не удалось. Сатана обратился к Исмаилу, и тот тоже отказался внимать лукавым речам. Вся семья забросала сатану камнями, и тот бежал прочь.

Ибрахим уже приготовился принести сына в жертву, как Бог остановил его руку и сказал, что он выполнил посланное ему испытание. В награду Бог послал Ибрахиму второго сына – от бесплодной жены Сапры. Его называли Исааком.

Со времен Всемирного потопа «чёрный камень» оставался скрытым от глаз людей до тех пор, пока Аллах не повелел Ибрахиму (Аврааму) восстановить Каабу. Архангел Гавриил (араб. Джибрил) привел Ибрахима в Мекку и передал ему «камень» для водворения его на прежнее место. Ибрахим с Исмаилом воздвигли над «камнем» новое святилище. С тех пор на протяжении последних четырех тысяч лет, несмотря на частые разрушения, Кааба постоянно отстраивалась на том же самом месте.

Изначально храм Каабы был посвящен единому Богу, но в последующие столетия в нем начали отправлять языческий культ Ваала, и уже во времена пророка Мухаммеда в храме, по некоторым сведениям, насчитывалось не менее 360 идолов различных языческих божеств.

В начале VII века в Каабе произошел сильный пожар, в результате которого святыня была практически разрушена. Тем не менее люди восстановили Каабу, сделав стены храма более высокими и увеличив высоту двери. Однако среди арабских племен, которые совместно занимались восстановлением храма, начались споры по поводу того, кому из них следует предоставить право установки священного «чёрного камня». Ни до чего не договорившись, они решили, что их рассудит первый человек, который войдет во внутренний двор храма.

Случилось так, что первым, кто вошел внутрь храма, оказался юноша по имени Мухаммед. В то время он еще не знал предначертанной ему великой судьбы и просто имел репутацию честного и не по годам мудрого человека. Когда спорщики изложили ему суть проблемы, Мухаммед предложил план, который устроил все стороны. Он расстелил на землю платок и положил в его центре «чёрный камень». Затем он предложил выбрать от каждого племени по одному представителю, которые должны были встать вокруг платка. Все вместе они подняли лежащий на ткани священный «камень» и перенесли его в Каабу, где сам Мухаммед и установил камень в отведенное для него место.

В 610 году Мухаммеду, открыто выступавшему против почитания идолов его соотечественниками, было послано откровение Аллаха через архангела Гавриила. Отныне жизнь пророка уже не принадлежала ему, но была отдана на попечение того, кто призвал его к пророческой миссии. Остаток дней своих Мухаммед провел в служении Богу, повсеместно провозглашая его послания. Путь жизни, к которому призывал пророк, стал известен как «ислам», что означает «покорность воле Аллаха», а его последователи стали называться мусульманами («те, кто покоряется»).

Борьба Мухаммеда с идолопоклонством привела к всплеску вражды со стороны язычников, живших в Мекке. Жизни пророка угрожала серьезная опасность, и в 622 году Мухаммед переселился в Ясриб (позднее этот город стал называться Медина). Это путешествие Мухаммеда называется хиджра, и именно с этой даты берет свое начало мусульманский календарь.

Распространение ислама встретилось на первых порах со многими трудностями, однако в конечном итоге население Мекки приняло новую религию. Храм Кааба стал главной святыней мусульман. Но во время одного из нападений в 682 году Дом Аллаха снова был сильно поврежден, а «чёрный камень» разбит на куски. Позже правитель Мекки соеди-

нил вместе все куски «чёрного камня», перевязал их серебряным обручем, и поместил их в угловую стену храма.

Один раз в год мусульмане со всего мира совершают хадж – паломничество в Мекку, к знаменитому храму Каабы. Слово «Кааба» в переводе с арабского означает «куб». Кааба действительно имеет форму куба высотой 15 метров, сложенного из каменных плит. Святилище покрыто черным покрывалом – кисвой. По краям кисвы золотыми нитями вышиты стихи из Корана. Большую часть года Кааба скрыта под кисвой и открывается только во время паломничества – хаджа. По завершении хаджа покрывало снимают и, разрезав на кусочки, продают паломникам в виде сувениров. Таким образом, кисва ежегодно обновляется. Ее традиционно выделывают вышивальщицы из Каира.

Знаменитый «чёрный камень» установлен на высоте около одного метра в наружном юго-восточном углу Каабы. По мнению некоторых европейских ученых, он, скорее всего, является метеоритом, упавшим с неба много тысячелетий назад. «Чёрный камень» имеет полукруглую форму, размерами приблизительно 30 на 40 сантиметров, и состоит из нескольких частей, перевязанных вместе серебряной нитью. От гладкой и прохладной поверхности камня исходит приятный аромат.

Камень установлен в специальной нише и заключен в серебряное обрамление. Глубокая впадина в середине камня образовалась в результате бесчисленных прикосновений и поцелуев паломников.

Поцелуи и прикосновения к священному камню являются древнейшей традицией мусульман, установившейся после того, как это сделал пророк Мухаммед. Мусульмане убеждены, что если кто-либо из верующих целует «камень» искренне, от всего сердца каясь в грехах, и семь раз обходит вокруг Каабы, призывая на помощь Аллаха, то «камень» обязательно станет свидетелем этой мольбы в день Страшного суда, когда обретет способность видеть и говорить.

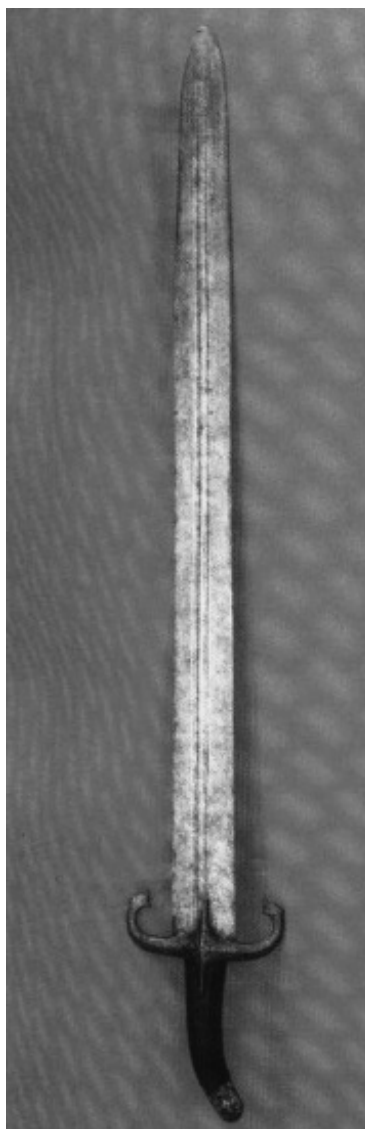
Паломники, приходящие к Каабе, должны семь раз обойти святыню против часовой стрелки. Если паломникам удастся приблизиться к «чёрному камню», они могут коснуться его или поцеловать. Те, кто не смог приблизиться к нему, просто поднимают руки в приветственном жесте, проходя мимо «камня».

Меч пророка Мухаммеда

Местонахождение: дворец-музей Топкапы, Стамбул, Турция

Одним из наиболее известных и ярких символов мусульманского Востока является Зульфикар – меч, в соответствии с коранической традицией принадлежавший пророку Мухаммеду. Для мусульман он означает приблизительно то же, что меч короля Артура – для жителей Британии. Особенно почитают Зульфикар мусульмане-шииты. Согласно исламской традиции, после смерти Мухаммеда меч по завещанию достался Али ибн Абу Талибу, зятю пророка, который, с точки зрения шиитов, был первым и единственным законным преемником Мухаммеда (халифом).

Существуют различные варианты названия меча, отражающие региональные особенности произношения – Зульфикар, Золфагар, Тульфикар, Дульфикар, Дульфагар и т. д. Среди арабов больше распространено название «Тульфикар» (Thulfiqar), в то время как персы предпочитают именовать легендарный меч пророка Мухаммеда Зульфикаром (Zulfiqar). В зависимости от способа произношения по-разному переводится и название меча, но наиболее распространенный вариант перевода происходит от арабского Dhu al-Fiqar или Dhu'l-Fiqar – «ломающий позвонки». По другой версии, название меча происходит от арабского Dhu'l-Fakar – «обладатель метки» (из-за того, что лезвие меча имело на себе некие особые метки или знаки).

Происхождение меча окутано легендами. Рассказывают, например, что он принадлежал первому человеку – Адаму, который принес его на землю после изгнания из рая. Согласно наиболее распространенной версии, меч достался пророку Мухаммеду в качестве трофея после сражения у колодцев Бадр в 624 году, а до этого он принадлежал одному из вождей племени курейшитов. В руках пророка оружие приобрело магическую, сокрушительную силу.

По преданию, Мухаммед передал (по другой версии – завещал) Зулфикар своему зятю Али, великому воину. Большинство источников сходятся в том, что это произошло во время исторической битвы при горе Ухуд, произошедшей 23 марта 625 года. Одна из легенд утверждает, что меч для Али принес с небес сам архангел Гавриил (Джибрил) после того, как в жестокой сече тот уже сломал девять мечей. С Зулфикаром в руке Али бросился на вражеского предводителя, Амра ибд Абдауда, сила которого превосходила силу тысячи воинов. Никто не отважился сойтись с ним в единоборстве. Однако для Али не было препятствий. Одним ударом волшебного меча он разрубил пополам щит противника, разбил его шлем и поверг силача на землю. Видя это, пророк Мухаммед восхищенно воскликнул: «Нет героя кроме Али, нет меча кроме Зулфикара!» В последующие века этот девиз стал боевым кличем мусульманских армий, оружейники выгравировывали его на клинках мечей.

В руке Али Зульфикар стал самым известным мечом в истории ислама. По преданию, этот меч имел два лезвия и обладал волшебными свойствами: например, им невозможно было убить невинного человека. Когда Али не сражался, он оставлял Зульфикар висеть в воздухе, просто подбрасывая его, а в случае нужды меч чудесным образом оказывался у него в руке. Считалось, что Зульфикар защищает границы мусульманского мира от врагов. Однако, как гласит известная в Средней Азии легенда, этот меч ломался, если умерший где-либо мусульманин не был похоронен. Захоронение следовало произвести как можно быстрее – для того чтобы обломки Зульфикара срослись и он снова встал на стражу границ.

Сын Али, имам аль-Хусейн ибн Али, с Зульфикаром в руках сражался против омейядского халифа Язида ибн Муавия в битве при Кербеле (Ирак) в октябре 680 года. Память об этом сражении до сих пор жива среди мусульман-шиитов. Войска Язида окружили небольшой отряд Хусейна, численность которого не превышала 300 человек. Получив несколько ран, Хусейн пал на поле битвы, почти все его люди были уничтожены. Время не смягчило горестных воспоминаний об этом событии. Шииты до сих пор переживают трагедию в Кербеле так, как будто она произошла только вчера. «Пей воду и проклинай Язида» – такую надпись можно увидеть в Кербеле на огромных кувшинах, выставленных на улице для страдающих от жажды прохожих. Считается, что само название «Кербела» происходит от выражения «карб аль-илаха» («рядом с богами»), или от «аль-курб ва аль-бала» («скорбь и беда»). А меч Зульфикар после этих событий стал восприниматься как символ чести и мученичества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.